К44 2/85

Ю. В. ГОТЬЕ.

К44 2/85

СЛѢДСТВЕННЫЯ КОМИССІИ

ПО

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЯМЪ ОБЛАСТНЫХЪ ВЛАСТЕЙ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Изъ „Сборника статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому“.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева“. Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т—ва, № 9.
1909.

К44 2/85

БИБЛІОТЕКА Г. И. М.
№ 7529
26—III 1931 г.

К44 2/85

VII.

Слѣдственныя комиссіи по злоупотребленіямъ областныхъ властей въ XVIII вѣкѣ.

I.

Въ жизни государственныхъ учрежденій XVIII вѣка многое еще остается неяснымъ. Исторія подчиненнаго и областного управленія, отъ Петра I до Екатерины II, въ особенности мало изучена; въ частности, то-же можно сказать и объ исторіи и организаціи правительственнаго надзора этого времени. Нормальными органами надзора со времени Петра были фискалы и прокуратура. Совмѣстное существованіе обоихъ учрежденій продолжалось впрочемъ не долго, и уже съ 30-хъ годовъ прокуратура, какъ орудіе болѣе гибкое и тонкое, успѣла вытѣснить фискаловъ [1]). На практикѣ, однако, надзоръ осуществлялся еще и другими способами; не только въ годы упадка прокуратуры, но и до 1730 года, а также при Елизаветѣ, верховная власть, высшія учрежденія имперіи, равно какъ и учрежденія областныя, пользовались для контроля надъ тѣмъ, что происходило на мѣстахъ, средствомъ, въ которомъ надзоръ тѣсно былъ слитъ со слѣдствіемъ. Этимъ средствомъ была посылка особыхъ лицъ, снабженныхъ часто очень широкими полномочіями, для разслѣдованія злоупотребленій чиновниковъ, а также наиболѣе выдающихся преступленій общаго характера. Посредствомъ подобныхъ разслѣдованій правительство осуществляло свое право надзора; матеріалъ, добытый ими, служилъ въ случаѣ надобности для судебнаго разбирательства, а своеобразная переходная эпоха, которую Россія переживала въ XVIII вѣкѣ, вводила въ практику разслѣдованія не мало любопытныхъ чертъ и оригинальныхъ подробностей.

---

[1]) Петровскій, Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго, 183—184; Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, 287 и слѣд.

Мы мало знаемъ о слѣдователяхъ, какъ особыхъ агентахъ правительственной власти, въ Московское время. Слѣдственныя комиссіи развиваются только ко времени преобразованій. Еще въ первые годы царствованія Петра встрѣчается посылка особыхъ уполномоченныхъ по экстреннымъ дѣламъ; такъ напр., въ послѣдніе годы XVII в. думный дьякъ Полянскій и дьякъ Берестовъ были отправлены въ Сибирь разслѣдовать дѣло о Красноярцахъ, взбунтовавшихся противъ своихъ воеводъ [1]). Позднѣе система особыхъ порученій развилась гораздо шире. Въ 10-хъ годахъ XVIII столѣтія появляются такъ называемыя „розыскныя маіорскія канцеляріи". Въ 1717 г. гвардіи маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посылается въ Вологду разслѣдовать о недозволенной продажѣ Архангельскими купцами пеньки и юфти за границу; позднѣе тому же лицу поручается дѣло кн. Матвѣя Гагарина. Нѣсколько ранѣе была учреждена такая же канцелярія гвардіи капитана Кошелева; извѣстны подобныя же розыскныя канцеляріи кн. Юсупова, Скорнякова-Писарева и другихъ [2]). Въ 1715—1725 гг. число слѣдственныхъ комиссій растетъ; особыя порученія въ этой области возникаютъ по поводу злоупотребленій въ сборахъ фуражныхъ денегъ, по поводу лихоимства нѣкоторыхъ воеводъ и т. п. [3]). Въ 20-хъ годахъ дѣйствуютъ большія комиссіи по дѣламъ Нестерова, Попцова, Шафирова. Такимъ же, наконецъ, приблизительно способомъ, т.-е. посредствомъ отдѣльныхъ порученій, даваемыхъ генералитету, производилось въ 1721—24 гг. ревизія переписи [4]).

Система особыхъ порученій, даваемыхъ облеченнымъ довѣріемъ и полномочіями лицамъ, пережила Петра и оказалась гораздо прочнѣе, нежели созданныя имъ новыя учрежденія. Можно сказать даже, что эта система въ послѣ-Петровское время развивается и что слѣдственныя порученія дѣлаются однимъ изъ самыхъ распространенныхъ способовъ правительственнаго воздѣйствія вплоть до губернскихъ учрежденій Екатерины II Комиссій очень много при Петрѣ II и Аннѣ; самыя, быть можетъ, интересныя относятся ко времени Елизаветы, не мало ихъ дѣйствуетъ и въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Взятыя вмѣстѣ, онѣ составляютъ не только совокупность многочисленныхъ дѣлъ, но и, дѣйствительно, цѣлую систему порученій, органически связанныхъ внутреннимъ сходствомъ. Очень возможно, что развитію отдѣльныхъ порученій въ области надзора и слѣдствія способствовали нѣкоторыя черты устройства государственныхъ учрежденій Россіи отъ Петра до Екатерины.

---

[1]) Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ, 3.

[2]) Веретенниковъ. Очерки по ист. тайн. канц. Петровскаго времени. I. Изъ исторіи маіорскихъ розыскныхъ канцелярій. Ж. М. Н. П. 1907 № 9, 1—47.

[3]) Архивъ Министерства юстиціи. Дѣла Сената, кн. $^{1}/_{217}$, $^{81}/_{224}$.

[4]) Богословскій, Областная реформа Петра Великаго, 328—331.

Во-первыхъ, учрежденій было мало и самый ихъ недостатокъ приходилось пополнять, давая особыя порученія, иначе сказать, вызывая къ жизни временныя учрежденія, упраздняемыя послѣ того, какъ была выполнена задача, на нихъ возложенная. Во-вторыхъ, не говоря уже о фискалахъ, даже прокуратура, какъ органъ надзора, не была на высотѣ своего положенія. Прокуроры далеко не всегда радѣли объ интересахъ казны, которые они призваны были защищать, и не возбуждали преслѣдованій за злоупотребленія, о которыхъ они, быть можетъ, и знали. Импульсъ въ возбужденіи разслѣдованія исходилъ чаще всего отъ частныхъ лицъ, страдавшихъ отъ злоупотребленій властей или же задѣтыхъ такими операціями, отъ которыхъ терпѣла ущербъ и казна. Въ такихъ случаяхъ возлагать возбужденіе дѣла на обычные органы надзора не представлялось возможнымъ, и правительство назначало особыхъ лицъ, на которыхъ падала также и обязанность слѣдователей.

Порученіе разслѣдовать дѣло не выливалось, какъ я уже говорилъ, въ форму постояннаго учрежденія. При Петрѣ, какъ и при его преемникахъ, время которыхъ имѣетъ въ виду настоящая работа, оно оставалось типичнымъ „приказомъ“ стараго времени, т.-е. временнымъ спеціальнымъ порученіемъ. Если форма и примѣненіе ея было чѣмъ-то новымъ, то по содержанію это былъ настоящій пережитокъ старой Москвы. Особое порученіе XVIII вѣка, цѣлью котораго было дознаніе и слѣдствіе, чаще всего носило названіе *комиссіи* [1]). Было бы, однако, ошибочно понимать это названіе въ томъ смыслѣ, какой обычно придается ему въ наше время. Слѣдственная комиссія XVIII вѣка не была непремѣнно коллегіальнымъ учрежденіемъ, а чаще всего была единоличнымъ порученіемъ лицу, избранному властью. Въ этомъ смыслѣ *„порученія“* и слѣдуетъ понимать выраженіе *„комиссія“* въ правительственной практикѣ XVIII вѣка [2]). Лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ комиссіи пріобрѣтали дѣйствительно коллегіальный характеръ. Въ 1728 г. въ Калугу явилась комиссія изъ двухъ лицъ—бригадира Сем. Хлопова и стольника кн. Аѳ. Барятинскаго. [3]) Учрежденная въ 1738 г. слѣдственная комиссія о нижегородскомъ прокурорѣ Полочаниновѣ, обви-

---

[1]) А. М. Ю. Д. Сената. кн. $^{44}/_{260}$, л. 680: *„слѣдственная комиссія* Сибирскихъ и Камчатскихъ дѣлъ“; кн. $^{55}/_{271}$, л. 965—971 *„слѣдственная комиссія* о бригадирѣ Бардекевичѣ; кн. $^{88}/_{304}$—*слѣдственная комиссія* о взяткахъ и неправосудіи Смоленскаго вице-губернатора кн. Козловскаго“ и т. д. (Ниже, при ссылкахъ на дѣла сената, хранящіяся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи, приводятся только №№ книгъ и листовъ).

[2]) Не трудно подтвердить такое мнѣніе подлинными словами людей XVIII в.: въ инструкціи слѣдователю А. Терскому, относящейся къ 1746 г., о порученномъ ему слѣдствіи надъ Симбирскимъ воеводой Ходыревымъ говорится, какъ о данной ему *„комиссіи“*. $^{103}/_{319}$. л. 15—18.

[3]) $^{23}/_{239}$, л. 11.

нявшемся въ злоупотребленіяхъ при поставкѣ рекрутовъ со своей вотчины, состояла изъ 4 лицъ подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора Волынскаго [1]). Слѣдственная комиссія по дѣлу основателя новосербскихъ поселеній Хорвата состояла въ 1763 г. изъ предсѣдателя г.-маіора Нарышкина и члена, гвардіи капитана кн. Грузинскаго [2]). Въ томъ же 1763 г. объ „азартныхъ поступкахъ" Мценскихъ купцовъ противъ Мценскаго воеводы приказано было учредить особую комиссію, наряднвъ для этого „нарочныхъ членовъ отъ военной коллегіи, отъ Бѣлгородской губернской канцеляріи и отъ главнаго магистрата, коимъ засѣданіе имѣть по старшинству ихъ чиновъ" [3]). Тѣмъ не менѣе, слѣдственная комиссія коллегіальнаго характера—исключеніе; обычно слѣдователь дѣйствуетъ одинъ. Само собою разумѣется, что комиссія чаще всего дѣйствовала на мѣстахъ, гдѣ совершены были дѣянія, подвергаемыя разслѣдованію, но были случаи, когда слѣдствіе велось въ Петербургѣ. Въ 1735 г. подъ предсѣдательствомъ А. П. Волынскаго учреждена была комиссія для разслѣдованія злоупотребленій по продажѣ ревеня въ Сибирскомъ приказѣ, для чего были вытребованы въ столицу и всѣ подслѣдственныя лица—судья приказа кн. Ѳ. Барятинскій, сенатскій секретарь Володимеровъ и замѣшанные въ дѣло купцы; выписаны были изъ Москвы и всѣ дѣла [4]). Комиссія о Смоленскомъ вице-губернаторѣ кн. Козловскомъ (1737—41 гг.) также дѣйствовала въ Петербургѣ [5]).

Заканчивая предварительныя замѣчанія о слѣдственныхъ комиссіяхъ времени между Петромъ и Екатериной, я долженъ отмѣтить, что весь нижеслѣдующій очеркъ есть сводка наблюденій надъ комиссіями, которыя имѣли дѣло преимущественно съ преступленіями должностными и фискальными и лишь рѣдко съ преступленіями общаго характера. Въ изученіе вовсе не были введены особыя слѣдственныя комиссіи по сыску воровъ и разбойниковъ [6]). Ими особенно богато царствованіе Елизаветы Петровны; онѣ имѣли спеціальное назначеніе и своеобразныя черты организаціи, которыя дѣлаютъ изъ нихъ нѣчто особнякомъ стоящее среди слѣдственныхъ комиссій XVIII вѣка.

II.

Можно установить какъ общее правило, что слѣдственныя комиссіи назначались тогда, когда не было надежды, что дѣло можетъ быть пра-

---

[1]) $^{31}/_{247}$, л. 1—34.
[2]) Грибовскій, Матеріалы по исторіи высшаго суда, № 4.
[3]) Грибовскій, Матеріалы, № 138.
[4]) $^{28}/_{244}$, л. 1—3.
[5]) $^{90}/_{306}$, л. 775—786.
[6]) П. С. З. № 9826, 9025—27.

вильно разобрано и разслѣдовано нормальными средствами. Поводы къ назначенію слѣдствія были очень разнобразны. Чаще всего въ основѣ дѣла былъ чей-нибудь доносъ. Доносчиками въ свою очередь могли быть самыя различныя лица и дѣйствовали они изъ самыхъ разнообразныхъ побужденій. Воевода,—лихоимецъ и взяточникъ—могъ иногда поплатиться за все содѣянное, вслѣдствіе доноса мелкаго чиновника, иногда самой незамѣтной спицы въ колесѣ провинціальной администраціи. 19 мая 1730 года Ярославской крѣпостной конторы надсмотрщикъ Козьма Григорьевъ подалъ въ юстицъ-коллегію доносъ на Ярославскаго провинціальнаго воеводу Ѳ. Л. Вельяминова-Зернова, его товарища, подполковника Кривцовскаго, и секретаря Булгакова, съ обвиненіемъ ихъ въ неправильномъ слѣдствіи, въ отдачѣ Ярославскимъ купцамъ „описного на государя воску“, въ держаніи болѣе полугода подъ жестокимъ арестомъ Ярославскаго купца Корсакова и т. д. [1]). Въ мартѣ 1739 г. надзиратель Якутскаго желѣзнаго завода Александръ Ракитовъ донесъ на Иркутскаго губернатора о взяткахъ и о томъ, что слѣдствіе о попыткѣ къ возстанію Тунгузовъ и Бурятъ онъ ведетъ „о такомъ оныхъ иновѣрцевъ злоумышленіи слабо и непорядочно“, а его, Ракитова, за правильныя показанія „мучитъ и держитъ подъ карауломъ“. Отъ Ракитова доставалось и обывателямъ: Якутскихъ жителей вмѣстѣ съ воеводой Заборовскимъ онъ обвинялъ въ похищеніи казны, а Иркутскихъ винныхъ заводчиковъ „въ корчемствѣ и во взятіи отъ казны излишней прибыли“ [2]). Нерѣдко доносчиками выступаютъ сотрудники воеводъ,—ихъ товарищи и секретари. Въ 1728 г. поступилъ изъ Калуги доносъ воеводскаго товарища маіора Потемкина на воеводу Бестужева и ассесоровъ Ханыкова и Кирикрѣйскаго „въ забраніи себѣ безъ указу денежной казны, сперва будто подъ образомъ займа, въ которыхъ давали своей руки письма, а потомъ изодрали оныя, дали другія расписки, будто брали тѣ деньги въ зачетъ своего жалованія, не имѣя о томъ указу и въ забраніи изъ канцеляріи немалаго числа къ себѣ бумаги и свѣчъ сальныхъ и сургуча“ [3]). Изъ доносовъ секретарей отмѣчу доносъ секретаря Воронежской губерніи К. Данилова, обвинявшаго губернатора, бригадира Пашкова, въ томъ, что онъ прикрывалъ денежныя хищенія, совершавшіяся въ его канцеляріи [4]), и доносъ Симбирскаго провинціальнаго секретаря Родіона Манахтина, которому, какъ мы увидимъ ниже, удалось свалить своего воеводу [5]). Иногда доносъ подаютъ частныя лица. Въ 1728 году отстав-

---

1) $^{17}/_{233}$, л. 25—32.
2) $^{32}/_{248}$, л. 1—2.
3) $^{23}/_{239}$ л. 11.
4) $^{25}/_{241}$.
5) $^{103}/_{319}$, л. 1.

ной прапорщикъ Иваньевъ донесъ на Нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго [1]); въ 1763 г. Ливенскій дворянинъ Прокофій Бобровскій донесъ о взяткахъ при рекрутскихъ наборахъ, которыя бралъ бывшій Елецкій воевода Поросуковъ [2]). Бывали доносчиками и духовныя лица; большое дѣло о злоупотребленіяхъ секретаря Вятской провинціи Аверкія Перминова начато было въ 1746 г. по доносу настоятеля мѣстнаго монастыря, архимандрита Іоасафа Потемкина [3]). Трудно разобраться въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя заставляли подавать доносы. Конечно, доносъ есть чаще всего оружіе слабаго противъ сильныхъ; такъ и было чаще всего, если доносъ частнаго человѣка былъ направленъ противъ чиновника; но если мелкій чиновникъ доносилъ на крупнаго, то можно съ такою же степенью вѣроятія предположить, что мелкая сошка донесла потому, что не получила хотя бы маленькой доли изъ награбленнаго.

Что за люди занимались доносами, показываетъ случай, когда доносчика уличили въ томъ, что онъ уже былъ наказанъ по суду—битъ публично плетьми [4]). Быть можетъ, лучшимъ матеріаломъ для характеристики извѣстной категоріи доносчиковъ XVIII в., дѣлавшихъ себѣ изъ этого занятія спеціальность, служитъ дѣло о нѣкоемъ Павлѣ Кашинцевѣ, который возбудилъ лѣтомъ 1727 года дѣло о злоупотребленіяхъ Якутскихъ властей. Кашинцевъ еще въ 1717 г. былъ посланъ изъ Енисейска въ Илимскъ для провожанія наборныхъ казаковъ съ приказомъ смотрѣть, чтобы эти казаки не чинили дорогой обидъ жителямъ. Въ томъ же году „били челомъ на него, Кашинцева, многіе челобитчики въ обидахъ и въ разореніяхъ и во взятіи посыльныхъ подводъ и въ бояхъ, и за такое его воровство и озорничество, за преступленіе по инструкціи указовъ онъ, Кашинцевъ, битъ кнутомъ“. Въ 1722 г. Кашинцева, находившагося уже въ Якутскѣ, постигло новое несчастіе: „въ церкви за необычное чтеніе и за прикладъ къ пареміямъ смѣхотворныхъ и поносныхъ и развратныхъ, чего не напечатано, и за неправое его доказательство и за остановку въ китайскій отпускъ покупной казны и за пріемъ ножевый и за похвальныя слова“, велѣно было сослать его въ Камчатку. Позднѣе онъ бѣжалъ и, „поступивъ въ доносители“, въ 1727 г. оказался въ Петербургѣ, гдѣ пытался вручить самому Императору доносъ на своихъ сибирскихъ враговъ. 22 мая Кашинцевъ, „въ присутствіи Его Императорскаго Величества на Преображенскомъ (Васильевскомъ) острову кричалъ необычайно,“ чтобы отъ него было принято доношеніе, гдѣ Якутскій воевода

---

[1]) $^{14}/_{230}$, л. 1—2.
[2]) Грибовскій, Матеріалы. № 27.
[3]) $^{51}/_{267}$. л. 1—5.
[4]) $^{20}/_{236}$, л. 30—39.

полковникъ Шестаковъ и его племянникъ обвинялись въ провозѣ черезъ города и заставы заповѣдныхъ товаровъ, а камеръ-коллегія — въ неправомъ по тому дѣлу слѣдствіи. Столкновеніе съ камеръ-коллегіей и было, кажется, причиной конечной гибели Кашинцева, который, являясь въ коллегію, „поносилъ президента и членовъ продерзостными словами, коллегію порицалъ и другія непристойныя слова говорилъ“, въ копіиста Пономарева, „вырывая изъ тулупа своего волосы кидалъ на него шерсть и волочилъ ухватя его за волосы по палатѣ“, кричалъ „нынѣ де всѣ воры и возстала де аріанская вѣра и Максентіевы мучители и мучатъ де его камеръ-коллегіи президенты Нарышкинъ и Плещеевъ“. За все это Кашинцевъ былъ сосланъ въ Рогервикъ съ вырваніемъ ноздрей [1]).

Прямая жалоба вела къ учрежденію слѣдственной комиссіи не менѣе часто, чѣмъ доносъ. Естественно, что первыми жалобщиками бывали потерпѣвшіе и пострадавшіе. 25-го января 1731 года на имя Императрицы подали челобитную Казанскіе Черемисы Алатской дороги: „въ прошломъ 730 году въ іюлѣ и въ нынѣшнемъ 731 году въ январѣ мѣсяцахъ Казанскій житель черемисскій толмачъ Назаръ Захаровъ присылалъ къ намъ невѣдомо какихъ людей, безъ указу, которые, пріѣхавъ, назывались драгунами и будто даны имъ были указы сыскивать прописныхъ и причисливать въ подушный окладъ и брать за нихъ штрафъ“. Въ два пріѣзда „сыскали“ 324 человѣка и доправили на нихъ „якобы штрафныхъ денегъ 1801 рубль и о пріемѣ оныхъ денегъ квитанціи никакой не дали“; „сысканныхъ“ кромѣ того привозили въ Казань, гдѣ Захаровъ „содержалъ ихъ невѣдомо чего ради въ домѣ своемъ запертыхъ въ подпольѣ подъ карауломъ двѣ недѣли и ночною порою... свободилъ изъ подъ караула и велѣлъ иттить изъ Казани въ домы свои попрежнему и сказалъ имъ, что будто онъ уже ихъ написалъ въ подушный окладъ“ [2]). Въ 40-хъ годахъ находившійся при ревизіи въ Казанской губерніи коллежскій совѣтникъ Жуковъ жалуется на обиды главнаго ревизора Бардекевича, который тотъ чинилъ ему „злобствуя на него за пріятеля своего Казанскаго купца Тихона Пушникова, у котораго имѣется съ нимъ, Жуковымъ, судное дѣло“ [3]). Въ 1750 году Вязниковскіе купцы жаловались на происшедшіе отъ бургомистра Кондакова и соляныхъ сборщиковъ при продажѣ соли сверхъ указныхъ цѣнъ излишніе сборы [4]). Случалось, что жалобщикомъ выступалъ за пострадавшихъ болѣе сильный человѣкъ. Въ 1744 году вступился за своихъ крестьянъ капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка Нащо-

---

1) $^{30}/_{30}$ дѣло 10, лл. 428–31, 470–71, 497–500.
2) $^{21}/_{237}$ л. 2.
3) $^{52}/_{268}$ л. 1—79.
4) $^{39}/_{255}$ л. 160, 161.

кинъ: „въ Костромскихъ моихъ деревняхъ отъ недороду хлѣба крестьяне многіе находятся безъ пропитанія, и для того покупкою хлѣба принужденъ промышлять, дабы отъ той нужды хотя мало слободить... чего ради былъ самъ въ той моей деревнѣ для исправленія. И въ бытность мою тамъ усмотрѣлъ, что при означенномъ нужномъ случаѣ крестьянство крайнюю еще претерпѣваетъ нужду и недостатокъ оттого, что Костромской воевода Перфильевъ съ товарищи вымысломъ своимъ не по силѣ указу во весь Костромской уѣздъ соль отпускать опредѣлилъ, требуя платежныя описи, исчисляя по онымъ сколько въ переписи душь состоитъ на столько числомъ по 2 фунта на мѣсяцъ человѣку“ [1]). Чѣмъ выше стоялъ жалобщикъ по соціальной лѣстницѣ, тѣмъ, кажется, скорѣе дѣло могло привести къ успѣху, т.-е. къ назначенію слѣдствія: „октября 2-го дня 1741 года по сообщенному изъ Правительствующаго Сената вѣдѣнію и по пріобщенной при ономъ вѣдѣніи съ челобитной д. т. с. кавалера и генералъ-прокурора кн. Н. Ю. Трубецкого копіи велѣно о канцеляристѣ Бѣляевѣ во взяткахъ съ Рязанскихъ вотчинъ ихъ сіятельства изслѣдовать и для того слѣдствія послать изъ Москвы нарочнаго изъ коллежскихъ членовъ“. Одновременно тожественная по содержанію жалоба была подана Рязанскимъ архіереемъ на Рязанскаго провинціальнаго воеводу, что не мало должно было содѣйствовать скорому назначенію слѣдствія [2]). Изучая дѣла слѣдственныхъ комиссій 20-хъ—60-хъ годовъ XVIII вѣка, мнѣ пришлось отмѣтить лишь одинъ случай, когда иниціаторомъ учрежденія слѣдственной комиссіи былъ нормальный органъ надзора—прокуроръ: въ началѣ 40-хъ годовъ Сибирскимъ губернскимъ прокуроромъ Елисѣевымъ было возбуждено дѣло о злоупотребленіяхъ секретаря Сибирской губерніи Карташова, за неотсылку въ тобольскую рентерею приходныхъ книгъ, неисполненіе предписаній высшихъ учрежденій и за то что онъ „входящихъ дѣлъ не помѣчалъ и не докладывалъ“ [3]). Во всѣхъ другихъ случаяхъ прокуроры молчатъ, ограничивая свою дѣятельность узкой сферой, отмежеванной прокурорской инструкціей.

Слѣдственная комиссія всегда назначалась учрежденіемъ болѣе высокимъ, чѣмъ то учрежденіе или лицо, дѣйствія котораго подвергались разслѣдованію. Обычно жалоба или доносъ направлялись къ центральной власти—въ коллегіи или прямо въ высшее учрежденіе Имперіи, т.-е. смотря по времени,—въ Сенатъ, Верховный Тайный Совѣтъ или Кабинетъ; туда же со своей стороны передавали дѣла и коллегіи [4]).

---

[1]) $^{39}/_{255}$ л. 5–7.

[2]) $^{38}/_{254}$ л. 13, 35, 36.

[3]) $^{40}/_{256}$ л. л. 6–17.

[4]) За исключеніемъ, вѣроятно, коллегій государственныхъ, которыя начинали слѣдствія самостоятельно, по крайней мѣрѣ при существованіи В. Т. Совѣта;

Указъ о назначеніи и исходилъ чаще всего отъ Сената; при существованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ исходилъ отъ него, а исполненіе указа лежало на Сенатѣ [1]). Въ царствованіе Анны назначеніе комиссіи зависѣло иногда отъ Кабинета—такъ было, кажется, въ дѣлѣ о Нижегородскомъ прокурорѣ Полочаниновѣ и Смоленскомъ вице-губернаторѣ Козловскомъ [2]). Впрочемъ даже въ годы угнетенія Сената, инициатива въ назначеніи слѣдствія оставалась нерѣдко за нимъ. Въ мартѣ 1739 г. именно Сенатъ, а не Кабинетъ распорядился отправить въ Иркутскъ для слѣдствія о злоупотребленіяхъ мѣстныхъ властей и незаконной продажи ревеня стат. сов. Борзова, и при немъ сенатской конторы секретаря Голубцова, а въ Кяхту по тѣмъ же дѣламъ „присутствующаго въ сыскномъ приказѣ“ капитана Любученинова. Настоящій случай можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно бывало Сенату найти подходящаго человѣка и какое значеніе въ данномъ вопросѣ принадлежало Кабинету, какъ высшему учрежденію. Сенатскаго секретаря Ѳ. Голубцова оказалось невозможнымъ назначить для слѣдствія „понеже по Сенатской конторѣ (въ Москвѣ) положены на него нужнѣйшія дѣла и ежели его отъ дѣлъ отлучить, то въ произвожденіе тѣхъ дѣлъ будетъ крайняя остановка“. Вѣроятно это обстоятельство и разстроило посылку Борзова, Любученинова и Голубцова; 13-го апрѣля 1739 года изъ Москвы былъ вытребованъ совѣтникъ вотчинной коллегіи Яковъ Масловъ „для нѣкотораго нужнѣйшаго Ея И. В. дѣла.“ Вызовъ Маслова въ свою очередь возбудилъ протестъ Московскаго вице-губернатора князя Юсупова, который доносилъ, что „по всемилостивѣйшему Ея И. В. указу для представленія и по правленію Московской губерніи прибылъ онъ въ Санктъ-Петербургъ, и за неимѣніемъ при немъ товарищей... отъ Сенатской Конторы опредѣленъ былъ помянутый Совѣтникъ Масловъ, который по отъѣздѣ его дѣла исправлялъ“. Въ заключеніе Юсуповъ проситъ, чтобъ „ежели за отлученіемъ онаго Маслова отъ губернскихъ дѣлъ въ чемъ учинится упущеніе, онаго бы къ нему (Юсупову) причтено не было“. Назначеніе слѣдователя такимъ образомъ задерживалось; въ іюнѣ Сенатъ *испрашивалъ указа отъ Кабинета* для порученія слѣдствія вновь назначенному въ Иркутскъ вице-губернатору Лангу; въ августѣ дѣло опять получаетъ иное на-

---

позднѣе при Елизаветѣ, государственныя коллегіи, входили съ доношеніями въ Сенатъ: такъ, напримѣръ, Военная коллегія въ 1748 году представляла Сенату о необходимости начать дѣло по жалобѣ коллежскаго ассесора Гончарова на Брянскихъ купцовъ. $^{54}/_{270}$ л. 16—18.

[1]) „Въ прошломъ 1728 г. *по указу В. Т. Совѣта посланъ изъ Сената* для розыску про бывшаго Нижегородскаго губернатора подполковникъ князь Гагаринъ“. $^{40}/_{256}$.

[2]) $^{31}/_{247}$, $^{88}/_{304}$—$^{90}/_{306}$.

правленіе. Оказывается „проступки“ бывшаго Иркутскаго вице-губернатора уже разслѣдуются по указу изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ бригадиромъ и Селенгинскимъ комендантомъ Бухольцемъ, а потому „нарочнаго повелѣно-ль будетъ отправлять?“ Не вмѣшиваясь по существу въ вопросъ о назначеніи слѣдствія, кабинетъ 9-го сентября, т.-е. черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ возникновенія дѣла, за подписью Остермана, Черкасскаго и Волынскаго постановилъ „слѣдствіе производить бригадиру Бухольцу и ежели потребно будетъ посылать для того слѣдствія въ отдаленныя мѣста, то посылать ему отъ себя штабъ и оберъ-офицеровъ тамошнихъ гарнизоновъ и о всемъ томъ сообщить штатскому совѣтнику Лангу и для того отсюда для слѣдствія другихъ посылать не надлежитъ“ [1]). Передъ Елизаветинскимъ сенатомъ, изъ котораго были назначены всѣ большія слѣдственныя комиссіи этого времени, также нерѣдко лежала тяжелая задача избрать слѣдователя; такъ напр., разсматривая подходящихъ кандитатовъ для комиссіи о казанскомъ ревизорѣ Бардекевичѣ, сенатъ послѣдовательно забраковалъ трехъ „обрѣтающихся не у дѣлъ статскихъ совѣтниковъ“ и, наконецъ, назначилъ Казанскаго губернатора д. с. с. Грекова [2]).

Само собою разумѣется, право сената назначать слѣдственную комиссію осуществлялось преимущественно когда дѣло шло объ учрежденіяхъ и лицахъ, непосредственно подчиненныхъ Сенату. Однако, если дѣло признавалось важнымъ, то слѣдователь присылался изъ сената и для разслѣдованія дѣйствій второстепенной областной администраціи. Такъ злоупотребленія бывшаго когда-то вице-президентомъ Ярославскаго надворнаго суда, а позднѣе воеводы Ярославской провинціи Вельяминова-Зернова были помимо Московской губернской канцеляріи разслѣдованы посланнымъ изъ Сената гвардіи подполковникомъ Коробовымъ (1730) [3]). Громадное дѣло Вятскаго провинціальнаго секретаря Перминова было начато самимъ Сенатомъ и довѣрено назначенному имъ слѣдователю; то же самое можно сказать о не менѣе значительномъ дѣлѣ Пензенскаго провинціальнаго воеводы Жукова [4]). Впрочемъ, подобный порядокъ вещей былъ скорѣе исключительнымъ; для разслѣдованія дѣйствій провинціальныхъ и городовыхъ властей болѣе обычнымъ явленіемъ было назначеніе слѣдственной комиссіи изъ губерніи. Приведемъ два три типичныхъ примѣра, которые дадутъ возможность судить, какъ въ такихъ случаяхъ происходило дѣло. Когда до Казанской губерніи. стали доходить первыя извѣстія о беззаконіяхъ Пензенскаго воеводы Жукова,

---

[1]) $^{32}/_{248}$ л. 9, 11, 14, 19, 20, 32, 33, 40.
[2]) $^{52}/_{268}$ л. 1—79.
[3]) $^{16}/_{232}$ л. 245—246.
[4]) $^{51}/_{267}$ Чтенія О. И. Др. Р. 1888. I. 8—9.

то былъ назначенъ слѣдователь изъ Казанской губернской канцелярiи маіоръ Воробьевъ, — лишь впослѣдствiи замѣненный новымъ слѣдователемъ изъ Сената [1]). Такъ же точно Нижегородская губернская канцелярiя назначила въ 1747 году слѣдствiе надъ Алатырскимъ провинціальнымъ воеводой Шишкинымъ, поручивъ его воеводскому товарищу сосѣдней провинціи. Впрочемъ и здѣсь дѣло разрослось до сенатскаго слѣдствiя. Алатырская комиссiя о Шишкинѣ наглядно показываетъ, почему разслѣдованiе дѣла ближайшимъ начальствомъ оказывалось иногда недостаточнымъ. Первый губернскiй слѣдователь пришелъ къ заключенiю, „что оному воеводѣ Шишкину въ той Алатырской провинцiи воеводой быть не должно, а надлежитъ, отрѣша его отъ дѣлъ, произвести о немъ особливое слѣдствiе мимо губернской канцелярiи, понеже онъ, избѣгая слѣдствiя и желая укрыть всѣ свои непорядочные и противные поступки, зловымышленнымъ своимъ ябедничествомъ порицаетъ губернскую канцелярiю напрасными подозрѣнiями“ [2]). Провинціальныя власти (въ спеціальномъ смыслѣ этого слова) не имѣли, повидимому, вліянiя при назначенiи слѣдствiя надъ городовыми воеводами. Въ 1729 г. „по посланному въ Воронежскую губернiю указу велѣно по доношенiю Елатомской ратуши въ запечатанiи воеводою Ермоловымъ таможеннаго и питейнаго сбору яциковъ, отчего въ покупкѣ хлѣба имѣлась остановка, и во взяткахъ, изслѣдовать Воронежскому вице-губернатору“ [3]). Внѣ прямой зависимости отъ Сената и безъ участiя областныхъ учрежденiй слѣдствiе назначалось очень рѣдко. Вотъ немногiе случаи сюда относящiеся. Въ 1743 г. „правительствующаго Сената изъ конторы прислана въ соляную контору челобитная л. гв. Измайловскаго полка капитана Нащокина о непорядочной въ Костромѣ казенной соляной продажѣ“. о резолюцiи Сенатской конторы„ подписанной на той челобитной, велено о томъ въ соляной конторѣ изслѣдовавъ, рѣшенiе учинить по силѣ указовъ, въ крайней скорости, дабы таковые непорядки были пресѣчены“. Въ январѣ 1744 года „въ соляной конторѣ явился ярославскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Писаржевскiй, который со опредѣленною ему командою въ Кострому и отправленъ“. [4]) Инструкцiя была ему дана изъ той же соляной конторы. Въ 1750 г. „по поданнымъ въ сенатскую контору доношенiямъ“ соляная контора требовала присылки особаго лица, которое могло бы быть назначено для слѣдствiя по жалобѣ Вязниковскихъ купцовъ на неправильную продажу соли. [5]) Учрежденная въ 1748 году слѣдственная комиссiя о разбояхъ бѣглыхъ крестьянъ помѣщика Гол-

[1]) Чтенiя О. И. Др. Р. 1888. I. 6—8.
[2]) $^{53}/_{269}$ л. 15—20, л. 66.
[3]) П. С. З. VIII, № 5477.
[4]) $^{39}/_{255}$ л. 28—30.
[5]) $^{39}/_{255}$ л.л. 160, 161.

чарова подъ Брянскомъ была назначена военной коллегіей, хотя, впрочемъ, и по соглашенію съ Сенатомъ [1]).

Избраніе подходящаго лица для выполненія слѣдственнаго порученія и отправленіе его на мѣсто дѣйствія было источникомъ большихъ заботъ, въ особенности если приходилось отправлять слѣдователя въ глухую провинцію. Вслѣдствіе повсемѣстнаго малаго числа должностныхъ лицъ, высшія учрежденія черпали слѣдователей чаще всего изъ отставныхъ военныхъ, уволенныхъ въ отставку для опредѣленія „къ штатскимъ дѣламъ“ и состоявшихъ впредь до назначенія въ вѣдомствѣ Герольдмейстера [2]). Иногда, впрочемъ, назначали и чиновниковъ, занимавшихъ опредѣленныя мѣста на службѣ, какъ въ столицѣ, такъ и на мѣстахъ. Назначеніе мѣстныхъ людей производилось не только когда слѣдствіе наряжалось изъ губерніи; къ этому средству прибѣгалъ и сенатъ. Кромѣ приведеннаго выше случая, когда Сенатъ поручилъ слѣдствіе надъ ревизоромъ Бардекевичемъ Казанскому губернатору Грекову, можно еще отмѣтить, что въ 1732 г., по доносу секретаря Воронежской губерніи Данилова на вице-губернатора бригадира Пашкова, слѣдствіе было приказано производить „обрѣтающемуся въ Воронежской губерніи бригадиру Гулину съ обрѣтающимся въ Воронежѣ на вѣчной квартирѣ штабъ-офицеромъ обще [3]). 1750 года, августа 2 дня, въ собраніи правительствующаго сената докладывано, что по доношенію Брянской воеводской канцеляріи и по резолюціи сената сего 1750 г. февраля 24 дня и по посланному въ военную коллегію марта 23 указу, велѣно для сыску ассесора Гончарова крестьянъ Брянской воеводской канцеляріи о дачѣ пристойной команды“; въ результатѣ, начальникъ „пристойной команды“ стоявшаго въ Брянскѣ Рязанскаго пѣхотнаго полка, подполковникъ Ангеларъ и былъ назначенъ слѣдователемъ по дѣлу Гончаровскихъ крестьянъ [4]).

Много неожиданностей и осложненій возникало въ связи съ назначеніемъ слѣдователя. Избранное уже лицо оказывалось возможнымъ отвести, а иногда и самъ слѣдователь попадалъ въ неловкое положеніе обвиняемаго. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ еще живо было старое русское понятіе о „недружбѣ“; недружбы боялись и съ нею иногда считались и власти. Архимандритъ Вятскаго Трифонова монастыря, Іоасафъ Потемкинъ, очень боялся пріѣзда назначеннаго изъ Петербурга слѣдователя Полянскаго, „понеже помянутаго Ивана Полянскаго братъ двоюродный, секундъ-маіоръ Ипатъ Полянскій изъ Вят-

---

1) $^{54}/_{270}$ л.л. 16—18.
2) П. С. З. IX №№ 6522, (1733 г.) 6679 (1735 г.).
) $^{25}/_{241}$.
4) $^{54}/_{270}$ лл. 135—138.

ской провинціи въ 1745 и 1746 годахъ былъ въ правленіи воеводской должности и съ Перминовымъ (противъ котораго Потемкинъ затѣялъ дѣло) имѣлъ кумовство“ [1]). Подслѣдственный Рязанскій воевода Чебышовъ, жалуясь на слѣдователя Полонскаго, оправдывается въ томъ, что „въ бытность у слѣдствія, не объявя сего, въ Москву прибылъ, и то учинилъ отъ вышеписаннаго Полонскаго, по имѣющимся ко мнѣ его злобамъ и нападеніямъ, ожидая вящшаго себѣ оскорбленія [2]). Отрѣшенный отъ должности за обиды и взятки Козьмодемьянскій воевода, поручикъ Обуховъ, жаловался въ 1728 г. въ сенатѣ, что Казанскій губернаторъ Волынскій показывалъ на него неправильно. Сенатъ поручилъ слѣдствіе сосѣдней губернской канцеляріи—Нижегородской. Тогда Обуховъ вновь билъ челомъ, что Нижегородскій вице-губернаторъ Волынскій Казанскому губернатору близкій родственникъ „и по указу слѣдовать ему о томъ за родствомъ не подлежитъ“. Просьба Обухова была уважена и слѣдствіе было вновь поручено Казанскому губернатору, но уже преемнику Волынскаго, кн. Долгорукову [3]). Сами высшія учрежденія при выборѣ лицъ для слѣдственныхъ комиссій колебались и дѣлали промахи. Мы видѣли выше, какъ Сенатъ въ 1730 г. шесть мѣсяцевъ выбиралъ слѣдователя для Сибири. Затѣявъ слѣдствіе надъ Рязанскимъ воеводой Чебышовымъ, сенатъ допустилъ большую небрежность, не отправивъ въ Рязань наиболѣе скомпрометтированное въ дѣлѣ лицо—подъячаго провинціальной канцеляріи Бѣляева, незадолго до того высланнаго „для малолюдства въ Санктъ-Петербургской губернской канцеляріи приказныхъ служителей въ оную губернскую канцелярію къ дѣламъ“, что вызвало протесты слѣдователя Таптыкова, доносившаго, что слѣдствіе безъ Бѣляева вести невозможно [4]).

Кажется, что самымъ недовольнымъ лицомъ при назначеніи слѣдственной комиссіи бывало лицо, избранное для ея руководства. Старорусскія понятія объ уклоненіи отъ службы были не менѣе живучи, нежели представленія о недружбѣ, и слѣдователь не прочь былъ иногда оказаться „въ нѣтѣхъ“. Въ 1750 году въ Алатырь на слѣдствіе о воеводѣ Шишкинѣ долженъ былъ отправиться „представленный отъ Герольдмейстерскихъ дѣлъ“ „изъ написанныхъ въ нынѣшнемъ 1750 году на житье въ Москву“ полковникъ Т. Сабанѣевъ, но, несмотря на данную подписку о невыѣздѣ, его въ Москвѣ не оказалось; было поднято дѣло о его разысканіи, съ угрозами отписать его имѣніе на государыню, но слѣдователя пришлось все-таки отправить другого [5]). Вотъ примѣры еще

1) $^{51}/_{267}$, л. 318.
2) $^{38}/_{254}$ л. 127—128.
3) $^{21}/_{237}$, д. № 9, л. 1.
4) $^{38}/_{254}$, л. 8.
5) $^{53}/_{269}$ л. 195—6.

болѣе яркіе. Для веденія слѣдствія по дѣлу Вятскаго секретаря Перминова былъ назначенъ статскій совѣтникъ Ив. Полянскій, жившій въ своей вотчинѣ подъ Рыльскомъ. Рыльская воеводская канцелярія, которой предложено было увѣдомить Полянскаго о назначеніи, донесла Сенату, что „къ помянутому, с. сов. Полянскому, гдѣ онъ жительство имѣетъ, въ Рыльскій уѣздъ, въ с. Кострову, изъ Рыльской воеводской канцеляріи посыланъ былъ канцеляристъ, который ноября 5 дня(1751г.) доношеніемъ объявилъ, что онъ въ показанное село Кострову къ помянутому с. с. Полянскому ѣздилъ и данная ему канцеляристу инструкція оному с. с. Полянскому объявлена, который-де объявилъ, что онъ с. с. боленъ, одержимъ жестокими разными болѣзнями—истеріей чечуйною и прочимъ. Сенатъ распорядился послать за Полянскимъ курьера, снабженнаго слѣдующей не лишенной интереса инструкціей: „Взявъ тебѣ изъ Ямской канцеляріи на 2 почтовыя лошади подорожную, ѣхать отъ С.-Петербурга до Рыльска, и когда въ Рыльскъ прибудешь, тогда посланный съ тобою въ Рыльскую воеводскую канцелярію указъ подать въ той канцеляріи того-же числа, и въ силу того указу требовать для посылки съ тобою по онаго Полянскаго, кого надлежитъ и кто отправлены будутъ, то со оными ѣхать тебѣ ко оному Полянскому и взявъ его, привести въ Рыльскую воеводскую канцелярію, не пріемля отъ него никакихъ отговорокъ; и какъ привезенъ будетъ и оной Рыльской канцеляріи, давъ оному Полянскому по рангу, а тебѣ одну, ямскія подводы, отправить въ Казань, какъ наискорѣе возможно: и какъ въ Казань отправленъ будетъ, то тебѣ, курьеру, до Казани ѣхать при немъ Полянскомъ, и чтобъ въ пути ѣхать безъ замедленія, въ томъ имѣть тебѣ понужденіе.“ Несмотря на широкія полномочія, которыя давали ему возможность везти Полянскаго въ Казань почти арестантомъ, курьеръ Трусовъ встрѣтился съ неожиданными препятствіями. Курьеръ съ сопровождавшими его разсыльщиками воеводской канцеляріи „Полянскаго изъѣхали и данную инструкцію ему объявили; токмо-де онъ, Полянскій, въ томъ своемъ домѣ отъ нихъ скрылся и сыскать не могли, и черезъ 2 дня въ тотъ его домъ не явился, а жена-де его оному курьеру объявила, якобы онъ, Полянскій, поѣхалъ въ С.-Петербургъ“. Получивъ такое извѣстіе, сенатъ распорядился „за означенное ст. сов. Полянскаго отъ посылки въ Казань ко отправленію его въ Вятскую провинцію для нѣкотораго слѣдствія укрывательство, все недвижимое его имѣніе, пока онъ, Полянскій, не явится, отписать и людямъ и крестьянамъ слушать его не велѣть.“ Чтобы правильно судить о статскомъ совѣтникѣ Полянскомъ, проявившимъ столь энергическое противодѣйствіе указамъ сената, надо вникнуть въ его положеніе, какъ оно открывается изъ прошенія, поданнаго Полянскимъ Государынѣ въ то самое время, когда его разыскивали въ Рыльскомъ уѣздѣ. „Служилъ я, нижайшій, въ

арміи Вашего Величества съ 715 году изъ дворянъ въ лейбъ-региментѣ и въ прочихъ регулярныхъ разныхъ полкахъ, всего 33 года безпорочно и безотлучно. А въ прошломъ 1747 году Всемилостивѣйшимъ В. И. В. указомъ отъ той военной службы за старостью и за болѣзнью отставленъ съ награжденіемъ ранга статскаго совѣтника и для излѣченія болѣзни своей, жительство имѣю въ Рыльскомъ уѣздѣ въ деревнишкѣ моей." Боясь послѣдствій своего ослушанія, Полянскій добавляетъ, что „принужденъ привезти себя въ Петербургъ" и, добиваясь увольненія отъ тяжкаго порученія, представляется „къ милостивому разсмотрѣнію сената", и „подноситъ о болѣзняхъ своихъ аттестатъ". Полянскій, 59-лѣтній старикъ, прослужившій 33 года, думалъ наконецъ отдохнуть въ своей „деревнишкѣ," но вмѣсто желаннаго отдыха его заставляютъ ѣхать на другой конецъ имперіи въ сложную и отвѣтственную коммиссію. Понятно что онъ готовъ на все, чтобъ избавиться отъ нагрянувшаго бѣдствія. Полянскому, впрочемъ, такъ и не удалось свалить съ себя тяжелаго порученія. Въ февралѣ 1752 г. онъ былъ отосланъ подъ конвоемъ въ Вятку, фактически лишь отсрочивъ ссылку на 4 мѣсяца. Около 1 марта престарѣлый статскій совѣтникъ въѣхалъ арестантомъ въ Вятку, гдѣ сдѣлался властелиномъ и хозяиномъ на цѣлыя 6 лѣтъ [1]).

Не менѣе характеренъ другой случай. Въ слѣдственную комиссію по злоупотребленіямъ сибирскаго губернатора Сухарева былъ въ 1744 г. назначенъ полковникъ Извольскій. По справкамъ, въ Москвѣ на квартирѣ его не оказалось; по словамъ дворовaго человѣка, „полковникъ Алексѣй Петровичъ Извольскій обрѣтается въ Каширской своей деревнѣ, а какъ зовутъ, не знаетъ". Извольскаго, однако, розыскали; въ Сенатѣ, который находился въ то время въ Москвѣ, онъ былъ подвергнутъ медицинскому осмотру, причемъ оказалось „у него, Извольскаго, правой ноги кругомъ берцы имѣетъ пухоту и то мѣсто сине и къ ранѣ склоняется, отчего у него, по его объявленію, ежедневно бываетъ жаръ, и за тѣмъ ему нынѣ при дѣлахъ быть невозможно, а надлежитъ пользоваться. Чего ради онъ, Извольскій, впущенъ былъ предъ собраніе правительствующаго сената и та объявленная осмотромъ докторскимъ и лѣкарскимъ на ногѣ его болѣзнь осматривана и по осмотру явилась оная нога подлинно больна; потомъ чтены предложенные отъ герольдмейстера списки генералитету и прочимъ для опредѣленія на мѣсто его, Извольскаго, другого; и слушавъ оныхъ приказали: полковника Извольскаго за показанною его болѣзнью для слѣдствія не посылать". Изъ другихъ кандидатовъ ассессоръ Коринъ былъ также отставленъ отъ сибирской слѣдственной комиссіи, потому что былъ еще „не сочтенъ отъ должности воеводы Владимірской провинціи", Михайловъ, подобно Из-

[1]) $^{51}/_{267}$, лл. 188—189. 191—193' 278, 296, 297.

вольскому, сослался на болѣзнь", и тоже отставленъ, когда убѣдились, что онъ „на правой ногѣ пониже икры отъ цынготной болѣзни имѣетъ небольшую рану", а „правая нога противъ лѣвой толста". Наконецъ, въ апрѣлѣ 1745 г. отправился въ Сибирь на слѣдствіе полковникъ Лукьянъ Боборыкинъ, который года полтора спустя уже слезно просилъ отпустить его домой, указывая въ числѣ другихъ доводовъ, что за смертью его жены и матери его дѣти остались дома безъ призору [1]).

Такъ поступали назначаемые въ слѣдственную комиссію. Колебаніе и неопредѣленность дѣйствій высшихъ учрежденій, условія выбора, падавшаго часто на калѣкъ или больныхъ стариковъ, сложность и отвѣтственность самого слѣдственнаго порученія, заставляли уклоняться отъ назначенія, не взирая на суровыя наказанія, которыя за это грозили. Пріемы, которые при этомъ пускали въ ходъ дѣти и даже внуки современниковъ Петра Великаго, живо напоминаютъ старыхъ Московскихъ дворянъ „нѣтчиковъ" и разсѣиваютъ культурную иллюзію XVIII вѣка.

III.

Задачи слѣдственныхъ комиссій и полномочія слѣдователей опредѣлялись указомъ или особой инструкціей, получаемой изъ учрежденія, назначавшаго слѣдствіе. Содержаніе инструкцій, составлявшихся почти всегда по одной схемѣ съ измѣненіями лишь въ подробностяхъ, сводится къ слѣдующему. Инструкція начиналась съ повелѣнія избранному лицу ѣхать для слѣдствія о „непорядкахъ и взяткахъ" и т. п. въ назначенное мѣсто. Далѣе слѣдуютъ указанія какъ выполнять данную „комиссію". Ѣхать тебѣ (рѣдко—вамъ) „со всякимъ поспѣшеніемъ, на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ" и, пріѣхавши въ городъ, „чинить нижеслѣдующее". Слѣдователю предписывалось дѣло „изслѣдовать накрѣпко вправду, безъ упущенія", допросить всѣхъ обвиняемыхъ или заподозрѣнныхъ и всѣхъ, которые могли-бы быть привлечены въ качествѣ свидѣтелей, „по вопроснымъ пунктамъ, съ полною о всемъ очисткою, объявляя имъ напередъ Е. И. В. указъ, чтобы они о томъ, въ чемъ имѣютъ быть спрашиваны, показывали самую истину", ибо иначе имъ „никакого отъ Е. И. В. милосердія показано не будетъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ Сибири, слѣдователи получали право даже пытать „мелкихъ людей", отсылая тѣхъ „кои въ рангахъ" для розыска въ сенатъ. При этомъ заподозрѣнныхъ въ преступныхъ дѣяніяхъ должностныхъ лицъ слѣдователь могъ устранять отъ должности, или, по выраженію нѣкоторыхъ инструкцій, „отказать отъ команды", передавая власть другому лицу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дѣло шло, напр., о воеводской должности, при-

[1]) $^{40}/_{256}$, л. 198—199, 210—211, 213, 435, 936—939.

нимая обязанности устраненнаго на себя („вѣдая тотъ городъ и по указу дѣла исправляя“). Слѣдователю разрѣшается принимать новые доносы и челобитныя, а „наипаче“ предписывается „смотрѣть, не имѣется-ли интересу Е. И. В. и въ протчемъ какого похищенья“; для этого всѣ пострадавшіе и обиженные обвиняемыми должны быть приглашаемы давать показанія, „безо всякаго опасенія, причемъ объявителямъ никакого озлобленія и нималаго задержанія не чинить, дабы черезъ то могли явиться и о самой сущей обидѣ объявлять безъ всякія страсти“. Слѣдователи должны дѣйствовать „по самой справедливости по силѣ Е. И. В. указовъ, съ добрымъ успѣхомъ безъ наималѣйшаго времени потерянія“; „помня свою присяжную должность“, они обязаны „праведно и нелицемѣрно поступать, за которую ихъ вѣрность обнадежитъ ихъ Е. И. В. милостію; напротивъ же того, ко взяткамъ и подаркамъ ни подъ какимъ предлогомъ отнюдь не касаться и противнаго указамъ не чинить; въ чемъ ему и за подчиненными крѣпкое смотрѣніе имѣть“. По окончаніи комиссіи слѣдователь долженъ представить подробное донесеніе въ сенатъ или иное высшее учрежденіе, отъ котораго онъ получилъ свои полномочія. [1])

Отъ такого общаго типа инструкція отступала въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ; тогда усиливались и полномочія слѣдователя и его отвѣтственность. Если же дѣло представлялось особенно сложнымъ, то въ инструкціи давались нѣкоторыя детальныя руководящія указанія слѣдователю. Примѣромъ перваго случая можетъ служить инструкція, данная полковнику Александру Терскому, ведшему слѣдствіе надъ Симбирскимъ провинціальнымъ воеводой Ходыревымъ. Я приведу изъ нея нѣсколько отрывковъ. Симбирскій воевода, подполковникъ Андрей Ходыревъ, „ко опредѣленнымъ по указу отъ нашего сената бригадиру Бардекевичу и посланному отъ него полковни Толстому для слѣдствія подъ судъ не пошелъ и учинился указамъ нашимъ противникомъ, за что учинилъ себя достойнымъ смертной казни“. Поэтому слѣдователю предлагается „пріѣхавъ въ Симбирскъ, не заѣзжая никуда, ѣхать прямо къ воеводѣ на дворъ и его арестовать и всѣ его письма, гдѣ-бъ сыскаться могли, забрать; а особливо смотрѣть тѣхъ, которыя къ нему писаны отъ какихъ придворныхъ или отъ другихъ знатныхъ, отъ кого-бъ то ни было, и оныя запечатавъ прислать къ намъ немедленно. По прочтеніи же сего нашего указа, какъ о сей порученной тебѣ комиссіи, такъ и по вступленіи въ дѣйство объ ономъ дѣлѣ, что будетъ происходить, кромѣ однѣхъ доношеній къ намъ иному никому не сообщать и подчиненнымъ своимъ накрѣпко заказать, а что нужное будетъ къ

---

[1]) $^{16}/_{232}$, л. 245—246; $^{14}/_{230}$, л. 1—2; $^{20}/_{236}$, л. 971; $^{32}/_{248}$, л. 51—53; $^{39}/_{255}$, л. 28—30; Чтенія О. И. Д. Р. 1888, I, 9; Грибовскій, Матеріалы, № 30.

доношенію намъ, то писать тебѣ своею рукою“ [1]). Примѣромъ болѣе сложной инструкціи можетъ служить инструкція полковнику Вульфу, отправленному въ 1745 г. для ревизіи Сибирской губерніи. Комиссія Вульфа существовала довольно долго; въ 1749 г. она носила громкое названіе „слѣдственной комиссіи Сибирскихъ и Камчатскихъ дѣлъ“. Комиссія эта была учреждена послѣ подачи поручикомъ Турчаниновымъ „прожекта“ всякихъ улучшеній, точнѣе доноса на Сибирскіе порядки; ей приходилось во всемъ считаться съ этимъ прожектомъ; считалась съ нимъ и данная Вульфу инструкція, отличающаяся обстоятельностью и подробными указаніями какъ слѣдователю поступать въ вопросахъ, касающихся торговли табакомъ, китайскимъ спиртомъ, ловли бобровъ и т. п. [2]) Въ общемъ, можно сказать, что полномочія слѣдователей дѣлали изъ нихъ сверхъ-властителей въ провинціи; права, которыя они получали надъ областной администраціей, дѣлали ихъ диктаторами надъ уѣздами, надъ провинціей, иногда надъ цѣлой губерніей. Облеченные властью, они импонировали населенію, возбуждали подозрѣніе во властяхъ, не подпавшихъ подъ слѣдствіе, вызывали отчаянное подчасъ сопротивленіе со стороны ревизуемыхъ и сами не всегда удерживали равновѣсіе между строгими требованіями закона и склонностью по слабости человѣческой пойти дорогой, уже пройденной тѣми, чьи дѣйствія они должны были изслѣдовать.

Переходя къ дѣйствіямъ слѣдователей на мѣстахъ, замѣтимъ мимоходомъ, что слѣдственная комиссія всегда учреждалась за счетъ какъ выражались официальные документы „будущихъ виновныхъ“, открыть которыхъ и должно было слѣдствіе.

Мы видѣли выше, какъ слѣдователь былъ отправленъ къ мѣсту дѣятельности подъ конвоемъ. Дѣло, конечно, не всегда обстояло такъ Предоставимъ слово слѣдователю, капитану Терскому, и его спутнику, отставленному Симбирскому секретарю, описывающимъ свое путешествіе изъ Петербурга въ Симбирскъ, свое вступленіе въ городъ и первые шаги дѣятельности слѣдственной комиссіи. „По силѣ высочайшихъ Ея И. В. именныхъ указовъ отъ С.-Петербурга до Твери сухопутно, а отъ Твери на взятомъ изъ того города суднѣ водою слѣдовалъ я съ поспѣшеніемъ“, доносилъ капитанъ Терскій (1747 г.), „и, проѣхавъ Казань, данный мнѣ запечатанный указъ на дорогѣ, при посланномъ со мною секретарѣ Манахтинѣ, распечаталъ мая 17 числа и по распечатаніи указа пріѣхалъ въ Симбирскъ сего жъ мая 18 числа по полуночи въ 3-емъ часу и, не заходя никуда, пришедъ прямо на дворъ къ воеводѣ подп. А. Ходыреву (вполнѣ согласно съ инструкціей) и его арестовалъ и всѣ его письма, всего 64 письма запечатавъ, въ высочайшій Ея И. В.

1) $^{103}/_{319}$ лл. 15-18.
2) $^{44}/_{260}$ лл. 313-326.

кабинетъ посланы при семъ всепокорнѣйшемъ доношеніи, а людей его Ходырева и разсыльщиковъ забралъ и содержатся подъ карауломъ порознь, а пожитки его, деньги и прочее, что въ домѣ его нашлось, кромѣ провизіи, переписалъ, и оные пожитки, кромѣ тѣхъ, кои ему, Ходыреву, по самой необходимости малое число оставлены, запечаталъ." Принявъ мѣры противъ воеводы и отрѣшивъ его отъ власти, Терскій долженъ былъ озаботиться о временномъ замѣщеніи его должности; продолжаемъ его же словами: „о воеводскомъ товарищѣ Микулинѣ изъ оной Симбирской провинціальной канцеляріи объявлено, что въ Симбирску его нынѣ не имѣется, а котораго числа изъ Симбирска отлучился и гдѣ испомѣщенъ, о томъ въ той канцеляріи неизвѣстно, изъ назначенныхъ къ правленію воеводскому о подполковникѣ Ивашевѣ изъ оной же провинціальной канцеляріи объявлено, что онъ высланъ въ Москву по секретному дѣлу, чего ради изъ назначенныхъ же къ воеводской должности сего мая 24 числа и опредѣленъ полк. Алексѣй Ляцкой." Затѣмъ Терскій даетъ Сенату отчетъ сдѣланныхъ имъ расходовъ: „взятое мною въ Твери на проѣздъ судно отдано подъ смотрѣніе Симбирской провинціальной канцеляріи, которое велѣно отъ той канцеляріи неупустительно продать за настоящую цѣну съ торгу, наблюдая казенный Ея И. В. интересъ. Данныя мнѣ Ея И. В. изъ Кабинета на прогоны деньги 66 руб. 80 коп. употреблены всѣ, да къ тому въ пути изъ выданныхъ на чрезвычайные расходы изъ 100 рублей издержано въ дачу судовымъ работнымъ людямъ, бывшимъ въ греблѣ, 22 руб. $8^1/_2$ коп. да въ Симбирску, посланному за полк. Ляцкимъ на прогоны 1 руб. 82 коп., да нарочно посланному съ симъ доношеніемъ на прогоны на одну подводу 15 руб. 88 коп.; затѣмъ осталось на лицо 60 руб. $21^1/_2$ коп. [1]).

Нѣкоторыя другія подробности находимъ въ письмѣ секретаря Манахтина къ неизвѣстному благодѣтелю въ Петербургъ: „Всерабски вашему высокопревосходительству, премилосердому государю и щедрому отцу, доношу: въ Симбирскъ пріѣхали черезъ 16 дней благополучно и въ слѣдствіе г. капитанъ порядочно вступилъ и обыватели на воеводу многія въ разореніяхъ и взяткахъ подали и подаютъ доношенія, изъ которыхъ доношеній ясно открылось, что налагалъ на иновѣрцевъ излишній сборъ собою; а пожитковъ у онаго воеводы весьма мало, потому что жена его въ исходѣ декабря мѣсяца прошлаго 1746 года отправлена отъ него въ Алексинскія его деревни и въ Москву съ деньгами и со всею пажитью на 27 парахъ; а нынѣ найденныя деньги—нажитыя имъ послѣ отправленія оной его жены [2]).

---

[1]) $^{103}/_{319}$ л. 198—213.
[2]) $^{103}/_{319}$ л. 198—213.

Такимъ образомъ, первые шаги слѣдователя происходили въ полномъ соотвѣтствіи съ инструкціей; это, впрочемъ, понятно, потому что они были самыми легкими. Первыя дѣйствія Терскаго можно считать типичными для всякаго слѣдователя, за однимъ развѣ исключеніемъ воеводскаго ареста; болѣе обычнымъ было отрѣшеніе отъ должности [1]).

Слѣдователь, получившій „комиссію“ освѣтить дѣятельность провинціальныхъ агентовъ власти, дѣйствовалъ обычными бюрократическими пріемами: прибывъ на мѣсто и приступивъ къ дѣлу, онъ долженъ былъ озаботиться организаціей своей канцеляріи, которая такъ и называлась обыкновенно „канцеляріей слѣдствія“; иногда это названіе переносилось и на всю слѣдственную комиссію [2]). Какъ по своей численности, такъ и по составу своему канцеляріи слѣдствія бывали очень разнообразны. Ихъ можно подраздѣлить на военныя и гражданскія, на мѣстныя по своему составу и на присланныя изъ столицъ или губернскаго города. Канцеляріи съ преобладаніемъ военнаго элемента чаще всего встрѣчаются при Сибирскихъ слѣдственныхъ комиссіяхъ: полковникъ Вульфъ получилъ указъ, въ которомъ значилось: „послать васъ, придавъ вамъ изъ оберъ-офицеровъ 3-хъ, у.-офицеровъ 4-хъ, солдатъ 16 и, дабы оное слѣдствіе какъ наискорѣе и порядочнѣе произведено и окончено быть могло, дать вамъ секретаря и приказныхъ служителей въ Москвѣ, сенатской конторѣ [3]). Канцеляріи слѣдственныхъ комиссій въ Европейской Россіи имѣли преимущественно гражданскій составъ; солдаты были въ нихъ только для стражи и для порученій. Въ канцелярію слѣдствія о Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ, состоявшую изъ секретаря, 2-хъ канцеляристовъ, 2-хъ подканцеляристовъ, 3-хъ копіистовъ, были назначены служащіе изъ рокгмейстерской конторы, Московской губернской канцеляріи, Вотчинной и Юстицъ-коллегіи и канцеляріи конфискаціи. При этой канцеляріи состояли: курьеръ, сержантъ, капралъ, цырюльникъ и солдаты, число которыхъ доходило до 50 человѣкъ, и еще два сторожа, смѣнявшіеся по недѣльно, на обязанности которыхъ лежало: „въ очередную ихъ недѣлю быть при комиссіи безотлучно и какъ находящіяся въ той комиссіи дѣла, такъ и всякія вещи хранить и ничего не утратить подъ опасеніемъ наижесточайшаго истязанія, а надъ ними во всемъ смотрѣніе имѣть неослабно стоящему при комиссіи на караулѣ за унтеръ-офицера и на часахъ солдатомъ“ [4]). Полковникъ Коробовъ, отправляясь въ слѣдственную комиссію надъ Ярославскимъ воеводой Вельяминовымъ-Зерновымъ, взялъ съ собою изъ Петербурга

---

[1]) Примѣры: $^{23}/_{239}$ л. 11; $^{53}/_{260}$ л. 66; Грибовскій, Матеріалы. № 30.

[2]) $^{14}/_{230}$ л. 10.

[3]) $^{44}/_{260}$ л. 313.

секретаря и 5 подъячихъ [1]). Для слѣдствія о Вятскомъ секретарѣ Перминовѣ предполагалось выслать столичныхъ канцелярскихъ служителей „пристойное число“ [2]). Полковникъ Сухаревъ привезъ съ собою на слѣдствіе о воеводѣ Рукинѣ въ Тару „для письма губернской канцеляріи канцеляриста“ [3]). Изложенные примѣры даютъ возможность судить, насколько разнообразенъ былъ и численный составъ комиссіи. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ составомъ канцеляріи, пріѣзжавшимъ вмѣстѣ со слѣдователемъ. Въ другихъ случаяхъ, и это стоитъ внѣ зависимости отъ степени важности дѣла, штатъ канцеляріи набирался на мѣстѣ. Не разъ уже упомянутому кап. Терскому предписано было для слѣдственной комиссіи „приказныхъ служителей взять изъ Симбирской провинціальной канцеляріи, сколько потребно, безъ излишества, дабы тѣмъ текущихъ дѣлъ провинціальныхъ не остановить“ [4]). Иногда штатъ канцеляріи бывалъ смѣшаннымъ: при старшихъ канцеляристахъ изъ столицы бывали подъячіе и писаря изъ мѣстныхъ приказныхъ. Впрочемъ, надо сказать, что участіе мѣстныхъ канцелярскихъ силъ въ слѣдственныхъ комиссіяхъ не всегда представлялось желательнымъ: мѣстные люди могли симпатизировать находившимся подъ слѣдствіемъ и преслѣдовать интересы, противоположные комиссіи. Слѣдователь Полонскій доносилъ въ 1742 г. изъ Переяславля Рязанскаго, что присланный изъ Ревизіонъ-коллегіи канцеляристъ Дмитрій Поморцевъ „весьма къ оному слѣдственному дѣлу неспособенъ и ненадеженъ и пьетъ, а здѣшніе копеисты ненадежны-жъ и къ дѣламъ необыкновенны, а разсыльщики здѣшніе“,— подъячаго Бѣляева, наиболѣе въ дѣлѣ запутаннаго, „содержать весьма слабо и кого не надлежитъ, также и съ питьемъ, безъ приказу отъ слѣдствія къ нему допускаютъ, знатно, боясь здѣшнихъ приказныхъ“ [5]). Въ канцелярію слѣдственной комиссіи о Брянскихъ посадскихъ людяхъ и крестьянахъ помѣщика Гончарова опредѣлены были канцеляристъ и копіистъ изъ Брянской воеводской канцеляріи. Повѣренный Гончарова протестовалъ противъ такого назначенія, ссылаясь на то, что „всѣ Брянскіе подъячіе бѣглымъ крестьянамъ и купцамъ ближніе родственники“. И „оные за тѣми обстоятельствы по прежнему отосланы въ ту канцелярію“, а на мѣсто ихъ вытребованы другіе изъ Сѣвской провинціальной канцеляріи.

Можно установить какъ общее правило, что всѣ участвовавшіе въ слѣдственныхъ комиссіяхъ, отъ руководителей ихъ до послѣднихъ служителей, получали „по рангу“ то же жалованье, которое получали по

---

1) $^{16}/_{232}$ л. 245.
2) $^{51}/_{267}$ л. 5.
3) $^{20}/_{236}$ л. 971.
4) $^{103}/_{319}$ л. 15—18.
5) $^{38}/_{254}$ л. 77—78.

своимъ постояннымъ должностямъ. Въ Сибири жалованье „для дальности“ платилось двойное. Дрова, свѣчи и незамысловатыя канцелярскія принадлежности выдавались изъ мѣстныхъ учрежденій. Насколько могли быть велики расходы по содержанію комиссіи, показываетъ пензенская комиссія о воеводѣ Жуковѣ, стоившая за 4 года 4304 р. $67^3/_4$ коп. [1]), изъ коихъ на одно только жалованье личному составу истрачено 3280 р. $94^1/_2$ к. При денежномъ голодѣ, который въ теченіе всего, кажется, XVIII вѣка испытывала казна, не рѣдкостью было, что жалованье выплачивалось неаккуратно, задерживалось, не только въ глухой провинціи, но и въ столицахъ, причемъ первыми жертвами были, конечно, мелкіе люди. Въ 1739 г. секретарь и канцелярскіе служители дѣйствовавшей въ Петербургѣ слѣдственной комиссіи о Смоленскомъ вице-губернаторѣ кн. Козловскомъ подали слѣдователю маіору Пестову челобитную о выдачѣ имъ заслуженнаго „сего 739 г. на прошедшую треть жалованья.“ [2]) Въ еще болѣе непріятное положеніе попали служащіе канцеляріи слѣдствія надъ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, дѣйствовавшей въ 40-хъ годахъ въ Тобольскѣ. Канцеляристы, взятые изъ Сибирской губернской канцеляріи, „обрѣтались“ „безъ всякой акциденціи и безъ полученія Е. И. В. жалованья“ цѣлыхъ два года. Въ ноябрѣ 1746 г. они жаловались слѣдователю, что „пришли въ крайнее разореніе и послѣднее свое платьишко испродали и испроѣли, а сего де 1746 г. ноября 4 дня полученъ указъ о произведеніи имъ, будучи при томъ слѣдствіи, за ихъ убожествомъ, кормовыхъ денегъ по 4 коп. на день“ и хотя они этотъ указъ въ своемъ теперешнемъ убожествѣ „за высочайшую Е. И. В. милость и награжденіе пріемлютъ, только точныхъ годовыхъ окладовъ по тому указу по чинамъ не имѣютъ“. Поэтому канцеляристы требовали уплаты имъ жалованья по рангу тѣмъ болѣе, что кормовыми деньгами „содержать себя не въ состояніи; къ тому же до сего времени пришли въ немалые долги, и противъ прошедшихъ лѣтъ здѣсь какъ платье и обувь, такъ хлѣбъ и всякій харчъ вздорожали-жъ, они-жъ при томъ слѣдствіи обрѣтаются у многотрудныхъ и опасныхъ дѣлъ и акциденціи не мало никакой не имѣютъ“ [3]).

Слѣдственныя комиссіи, съ внѣшней по крайней мѣрѣ стороны, работали довольно интенсивно. Онѣ собирались ежедневно отъ 7—8 час. утра и до часу дня; нерѣдко онѣ собирались вторично вечеромъ между 4 и 9 часами. Комиссіи обычно помѣщались въ зданіяхъ правительственныхъ учрежденій, а иногда, при сложномъ и большомъ дѣлѣ, нанимали для себя особыя помѣщенія, обставляемыя по образцу всѣхъ присутственныхъ

---

1) Чтенія О. И. и Д. Р. 1888, № 1—11.

2) $^{90}/_{306}$, л. 775 786.

3) $^{40}/_{256}$, л. 1016 –1019.

мѣстъ того времени. Каждому засѣданію комиссіи велся „повседневный журналъ“; въ немъ обозначалось время прибытія слѣдователя и начала занятій, коротко излагалось содержаніе засѣданія и наконецъ рѣшеніе, постановленное коллективно или единолично слѣдователемъ. Въ заключеніе въ нѣкоторыхъ журналахъ отмѣчалось: „выбыли“ или „изъ присутствія вышли“ тогда-то; журналъ закрѣплялся подписью слѣдователя, онъ былъ какъ бы отраженіемъ всей работы слѣдователя и служилъ оправдательнымъ документомъ всей его дѣятельности [1]).

Теперь обратимся къ самымъ работамъ слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ ихъ дѣйствій; посмотримъ, какъ выполняли онѣ свою задачу и какое къ себѣ отношеніе вызывали онѣ со стороны тѣхъ, дѣла которыхъ онѣ разслѣдовали, а также и тѣхъ учрежденій, рядомъ съ которыми онѣ работали.

Когда ст. сов. Полянскій такъ упорно отказывался отъ слѣдственной комиссіи, въ которую назначилъ его сенатъ, онъ, вѣроятно, хорошо зналъ, что дѣлалъ. Поѣздка въ комиссію не была и не могла быть синекурой. Слѣдствіе было борьбой, иногда очень упорной и жестокой, въ которой противъ слѣдователя направлялись усилія не однихъ только тѣхъ, кто непосредственно подпадалъ подъ слѣдствіе. Борьба начиналась вмѣстѣ съ открытіемъ дѣйствій комиссіи. При господствовавшей при Аннѣ и Елизаветѣ системѣ замѣщенія административныхъ постовъ, отставленные отъ военной службы штабъ и оберъ-офицеры, состоявшіе на учетѣ герольдмейстера и сената и, подобно своимъ Московскимъ предкамъ, ожидавшіе очереди покормиться на тепленькомъ мѣстечкѣ, сохраняли связи со столичными покровителями. При надвигавшейся опасности слѣдствія родственники и друзья давали вѣсть заинтересованнымъ лицамъ и тѣ старались къ пріѣзду слѣдственной комиссіи принять всѣ доступныя имъ мѣры защиты. Дѣло не мѣнялось, если слѣдствіе касалось не чиновниковъ, а купцовъ; и купцы находили доброхотовъ и покровителей въ столицахъ.

Не касаясь самыхъ обыкновенныхъ пріемовъ оправданій и запирательствъ, остановимся лишь на болѣе рѣзкихъ формахъ проявленія защиты администраторовъ и другихъ дѣятелей XVIII вѣка противъ слѣдственныхъ комиссій. Наиболѣе простымъ пріемомъ была пассивная борьба,—формальныя придирки къ производству дѣла и уклоненіе отъ слѣдствія. „Мая въ 10-й день 1731 г. въ правительствующій сенатъ по сочиненіи выписи (о дѣлѣ Ярославскаго воеводы Вельяминова-Зернова) для прикладыванія къ той выписи руки призванъ ст. сов. Вельяминовъ-Зерновъ и объявлено ему, чтобы слушалъ тое выписку. И какъ ему начата та выписка читать, и онъ Вельяминовъ

---

[1]) $^{31}/_{247}$, лл. 1—34; $^{90}/_{306}$ л. 775—786; $^{14}/_{230}$ л. 42—43.

слушать ее не сталъ, а сказалъ, что де въ сенатѣ слѣдовано по дѣлу о провіантѣ и о прочемъ и о томъ бы учинена была выписка къ докладу особая“ [1]). „И того-жъ января 15 дня (1731 г.) Д. Рукинъ (бывшій Тарскій воевода) въ слѣдственную канцелярію для принятія копій призыванъ и передъ полк. Сухаревымъ (слѣдователемъ) онъ, Рукинъ, сказалъ: оной де копіи съ прошенія В. Чередова (донесшаго на Рукина) онъ не возметъ, а въ судъ съ нимъ Чередовымъ нейдетъ, для того, что онъ Чередовъ, въ бывшей Тарскій разыскной канцеляріи при вице-губернаторѣ Петровѣ-Соловомъ наказанъ, битъ публично плетями снявъ съ козла“ [2]). Не знаемъ, что было далѣе въ первомъ случаѣ; во второмъ же воевода Рукинъ несомнѣнно выигралъ время, такъ какъ о Чередовѣ была затребована обстоятельная справка. Кто былъ посильнѣе, шелъ дальше; вотъ что, напр., дѣлалъ знаменитый Волынскій во время слѣдствія, которое велось надъ нимъ въ сенатѣ по дѣлу о вымогательствахъ у Казанскихъ инородцевъ: „1731 г. марта въ 19 день посланный къ г.-м. Волынскому секретарь Антоновъ доносилъ сенату, что онъ къ нему, Волынскому, вчерашній день въ домъ ѣздилъ и домашніе его сказали, что онъ со двора съѣхалъ и для того онъ его Волынскаго дожидался до полуночи, но не дождался, чего ради сего числа по утру рано ѣздилъ къ нему вторично, но токмо не получилъ же“. Сенатъ принужденъ былъ вступиться въ дѣло энергичнѣе и приказалъ „ему, генералъ-маіору, объявить, чтобъ онъ, не явясь въ Сенатъ, изъ Москвы не отъѣзжалъ“ [3]).

Еще болѣе распространенной формой пассивнаго сопротивленія были отговорки и уклоненіе отъ явки въ комиссію подъ предлогомъ болѣзни. Приведемъ нѣсколько характерныхъ случаевъ: не безызвѣстный уже намъ Рязанскій воевода Чебышовъ успѣлъ еще до назначенія слѣдствія выѣхать въ Москву. Здѣсь „маэора Петра Чебышова служитель сказалъ, что означенный помѣщикъ его имѣется въ Москвѣ и лежитъ боленъ уже съ недѣлю и за тѣмъ никуда со двора не съѣзжаетъ, а квартиру имѣетъ за Москвою рѣкой въ приходѣ церкви св. Екатерины въ домѣ вдовы Лодыженской“. Болѣзнь, однако, оказалась не слишкомъ серьезной, потому что Сенатъ приказалъ выслать Чебышова въ Переяславль Рязанскій. [4]) Иной разъ болѣзнь замѣшанныхъ въ дѣло была такого свойства, что приводила въ недоумѣніе и комиссію и врачей. Нижегородскій прокуроръ Полочаниновъ (1738 г.) отказы-

---

[1]) $^{16}/_{232}$ л. 603.

[2]) $^{20}/_{236}$ л. 30—1.

[3]) $^{22}/_{238}$ л. 57: примѣръ изъ практики 60-хъ годовъ. См. Грибовскаго, Матеріалы, № 63.

[4]) $^{38}/_{254}$, л. 43 - 77.

вался идти въ комиссію, потому что былъ по его словамъ „въ болѣзни и безпамятствѣ“ и предоставлялъ комиссіи самой пріѣхать къ нему на домъ „во образъ посѣщенія“, но отъ допроса категорически отказывался. Комиссія рѣшилась подвергнуть прокурора осмотру и въ этотъ разъ нашла, что онъ „весьма не безболѣзненъ“. Лишь 2—3 недѣли спустя Полочаниновъ заявилъ, что „хотя де онъ и весьма имѣется боленъ, и ежели паче чаянія, что за тою его болѣзнью увольть его не возможно, то онъ хотя съ великою нуждою будетъ (въ комиссіи), токмо де требуетъ подъ себя къ отъѣзду лошадей“. Впрочемъ, едва успѣвъ пріѣхать въ комиссію, онъ опять сказался больнымъ, чѣмъ вновь затянулъ дѣло, и комиссія не сумѣла или не смогла справиться съ упрямымъ прокуроромъ. [1]) Въ 1763 г. Саратовская комиссія „о чинимыхъ поставщикамъ соли обидахъ, побояхъ, взяткахъ и другихъ непорядкахъ“ доносила, что д. с. с. Волковъ „къ слѣдствію не является, а объявляетъ, что боленъ, и за его болѣзнью многія подлежащія до него дѣла несутъ таковое-жъ медлительство, а тамошній де лѣкарь Голубцовъ рапортовалъ, онъ де Волковъ объявляетъ ему лѣкарю, имѣетъ де онъ болѣзни въ себѣ въ головѣ ломъ, въ ушахъ стрѣльбу и отъ стужи въ груди и въ поясницѣ чувствуетъ боль, а прочихъ большихъ припадковъ въ немъ онъ, лѣкарь Голубцовъ, не предвидитъ“ [2]). Что болѣзнь далеко не всегда была истинной, а была только средствомъ уклониться отъ слѣдствія, лучше всего показываетъ образъ дѣйствій попавшаго подъ слѣдствіе Смоленскаго вице-губернатора кн. Козловскаго. 5-го апрѣля 1739 года слѣдователь маіоръ Пестовъ по приказу изъ кабинета потребовалъ, чтобы Козловскій подписалъ экстрактъ изъ дѣла, которое надлежало подать въ кабинетъ. Козловскій объявилъ, что онъ явится 7-го апрѣля, но обѣщанія не исполнилъ. Въ слѣдующіе дни Козловскій былъ въ комиссіи и читалъ дѣла, но требуемой подписи все-таки не далъ. 11-го апрѣля онъ прислалъ своего человѣка объявить, что не можетъ быть самъ „понеже де весьма боленъ“; то же повторялось и позднѣе до конца апрѣля и въ маѣ. Надо думать, что Козловскій дѣйствовалъ не безъ помощи сильныхъ людей. Послѣ только что изложенныхъ отказовъ Козловскаго явиться въ комиссію слѣдователь Пестовъ донесъ объ этомъ въ кабинетъ, на что и получилъ отъ кабинетъ-секретаря Яковлева предписаніе: „когда де оный кн. Козловскій боленъ, ктому-жъ за препятствіемъ рѣки (Невы) быть въ комиссіи повседневно оному кн. Козловскому невозможно, то надлежитъ выписки посылать къ нему на дворъ съ подъячими“. Поддержка свыше сдѣлала Козловскаго хозяиномъ положенія; въ теченіе мая онъ являлся въ комиссію,

---

[1]) $^{31}/_{247}$, л. 1—34.

[2]) Грибовскій. Матеріалы, № 17.

когда хотѣлъ, и наконецъ дошелъ до того, что пересталъ ссылаться на свою болѣзнь, и 9-го іюня объявилъ, что „на сей недѣли не будетъ въ комиссіи за нуждами своими“. 15-го іюня онъ снова боленъ ногами; въ іюлѣ прежній отвѣтъ: „не уповательно ему быть въ комиссіи въ скорости, токмо какъ облегченіе получитъ отъ болѣзни“. Наконецъ „августа 22-го дня посыланъ былъ за кн. Козловскимъ на дворъ солдатъ Козьма Болотовъ, дабы онъ для подписыванія подъ выписки явился въ комиссію, который солдатъ пришедъ объявилъ: онаго де князя Козловскаго въ домѣ не засталъ, а люди де его сказали, что поѣхалъ д. т. совѣтника и кавалера, Е. И. В. кабинетъ-министра князя А. М. Черкасскаго на приморскій дворъ“. Одновременно выяснилась необходимость дослѣдовать нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ замѣшанъ былъ кн. Козловскій. Такъ, укрываясь болѣзнью и пользуясь покровительствомъ высокихъ людей вродѣ Черкасскаго, Козловскій выигралъ время, добился отсрочки, а комиссія Пестова занялась другими дѣлами [1]).

Переходимъ теперь къ различнымъ способамъ болѣе активнаго противодѣйствія слѣдственной комиссіи. Открытое сопротивленіе встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. До такого нахальства не доходили самые изобрѣтательные и опытные дѣльцы того времени; если и дѣлались попытки открыто итти наперекоръ начальству, то только когда оно было не выше губернскаго. Такъ, не разъ упомянутый Симбирскій воевода Ходыревъ „не пошелъ подъ судъ“ слѣдственной комиссіи, присланной изъ Казани [2]), да еще отъ Нижегородской губернской канцеляріи поступила въ 1746 г. жалоба на Алатырскаго провинціальнаго воеводу Шишкина, который не желалъ признать слѣдственной комиссіи, назначенной изъ губерніи подъ руководствомъ сосѣда Шишкина, Арзамасскаго провинціальнаго воеводы Корганова и„ не чая себѣ отъ воеводства отрѣшенія и не чувствуя никакого страха, чинилъ Нижегородской губернской канцеляріи, яко главной надъ собою командѣ, непослушаніе и противности“ [3]). Этимъ исчерпываются извѣстные намъ случаи прямого сопротивленія. Активное противодѣйствіе находившихся подъ слѣдствіемъ чаще всего сказывалось въ томъ, что они со своей стороны выступали съ обвиненіями противъ доносчика, противъ лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ причастности къ назначенію слѣдственной комиссіи, а иногда и противъ самого слѣдствія. И здѣсь дѣла слѣдственной комиссіи открываютъ яркія картины. Наиболѣе интереснымъ является дѣло Ходырева; его встрѣчная жалоба на своего врага, затѣявшаго дѣло секретаря Манахтина, настолько характерна, что изъ нея нельзя не при-

---

1) $^{90}/_{306}$, лл. 775—786.
2) $^{103}/_{319}$ л. 15.
3) $^{53}/_{269}$. лл. 15—20.

вести нѣсколькихъ выдержекъ: „по указамъ В. И. В. и по генеральному регламенту секретарямъ велѣно быть подъ высшей дирекціей той канцеляріи у своего президента и о всякихъ дѣлахъ долженъ секретарь докладывать своего призидента со всякою учтивостью, вѣжливо, не показывая никакихъ противностей, а вышереченный секретарь Манахтинъ, забывъ свою должность, никакого мнѣ почтенія въ присутствіи моемъ въ канцеляріи не чинитъ съ немалымъ ругательствомъ, что съ великою моею терпѣливостью претерпѣвалъ, точію за тѣ его противности чинены были ему уговоры, уповая, что можетъ придти въ чувство. И оный Манахтинъ, не удовольствуяся тѣмъ, прошедшаго августа 13 дня въ присутствіи моемъ въ канцеляріи при всемъ собраніи первое сказалъ мнѣ: я тебя не боюсь и не слушаю, потомъ называлъ меня презирателемъ В. И. В. именныхъ указовъ, при томъ были многіе свидѣтели. А сего-жъ августа 28 дня велѣно ему по нужнѣйшимъ канцелярскимъ дѣламъ исполненіе учинить и для того велѣно ему въ той канцеляріи, пока противъ приказанія исполнитъ, быть неисходно, и караульному капралу приказано его не выпущать; и оный Манахтинъ, разбивъ караулъ, вышелъ сильно, и по многократнымъ посылкамъ въ канцелярію не пошелъ и сказалъ посланнымъ, что онъ меня не слушаетъ. А 29 дня августа въ присутствіи же моемъ въ канцеляріи чинился противенъ и кричалъ безобразно и называлъ многократно презирателемъ В. И. В. указовъ". Ходыревъ проситъ себя отъ Манахтина „яко отъ непотребнаго человѣка оборонить и взять" его изъ Симбирской провинціальной канцеляріи [1]). Брянскіе купцы, обвиняемые помѣщикомъ Гончаровымъ въ укрывательствѣ его бѣглыхъ крестьянъ (1749 г.), въ свою очередь жаловались на него, обвиняя его въ насиліяхъ надъ купцами и разбояхъ на большой дорогѣ [2]). Цѣлью встрѣчной жалобы было конечно усложнить слѣдствіе и найти себѣ путь къ уклоненію отъ отвѣтственности и надо было обладать большимъ искусствомъ, чтобы разобраться въ такихъ жалобахъ и рѣшить, какая сторона ближе стояла къ истинѣ.

Стремленіе опорочить дѣйствія самого слѣдователя, выставить ихъ неправильность и незаконность были, можетъ быть, самымъ распространеннымъ средствомъ защиты подслѣдственныхъ. Помощникъ и сынъ Терскаго воеводы Рукина въ самый разгаръ слѣдствія надъ его отцомъ (1731 г.) подалъ въ Тобольской губернской канцеляріи жалобу на неправильное веденіе слѣдствія [3]). Секретари Нижегородской губерніи доносили на слѣдователя князя Гагарина, что онъ вмѣстѣ съ со-

---

1) $^{103}/_{319}$, лл. 28 - 29.
2) $^{54}/_{270}$, л. 39—40.
3) $^{20}/_{236}$, л. 971.

стоящимъ при немъ секретаремъ Соколовымъ „сверхъ указу принимаютъ у доносителей ложныя и глухія доношенія и вступаютъ въ прежде-слѣдственныя прошлыхъ лѣтъ дѣла, которыя за милостивыми указы даже и трогать не слѣдуетъ“ [1]). Примѣровъ можно было бы привести очень много: я ограничусь еще однимъ изъ наиболѣе яркихъ. Въ 1745 г. г.-м. Сухаревъ, сибирскій губернаторъ,жаловался Императрицѣ на секретаря Карташова, „съ прочими подобными ему безпутными доносители“ умыслившихъ на него доносъ „по одной своей злобѣ“; жаловался онъ и на слѣдователя Боборыкина, который „оставя свое настоящее слѣдованіе, къ чему онъ присланъ, во-первыхъ съ самаго его пріѣзда въ Тобольскѣ взялъ къ себѣ въ совѣтъ и въ компанію извѣстнаго государственнаго вора Ивана Темирязева, который противъ собственной В. И. В. и дражайшей всероссійской матери персоны своимъ воровскимъ и богомерзкимъ вымысломъ весьма продерзостно касался“. Боборыкина Сухаревъ подозрѣваетъ въ пристрастіи, потому что ему самому пришлось ранѣе вести въ Иркутскѣ слѣдствіе о родственникахъ Боборыкина, Темирязева обвиняетъ въ стремленіи возмутить инородцевъ противъ русскаго владычества и т. д. [2]).

Уклоненія, кляузы и жалобы—обычные пріемы борьбы подслѣдственныхъ; только потерпѣвъ неудачу и прижатые къ стѣнѣ они винились въ надеждѣ получить прощеніе, въ чемъ иногда и успѣвали. „Повеже г.-м. Арт. Волынскій намъ самимъ всеподданнѣйше подалъ на письмѣ повинную въ разныхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ въ бытность его въ Казани губернаторомъ и въ томъ нашего прощенія просилъ, того ради мы въ тѣхъ отъ него самого объявленныхъ взяткахъ его всемилостивѣйше прощаемъ и указали онаго изъ подъ аресту освободить“ [3]). „Великая Государыня!“ молитъ отрѣшенный Рязанскій воевода Чебышовъ, „съ розыску подъячій Бѣляевъ показывалъ, что съ г. Сапожка съ обывателей взявъ, отдалъ мнѣ 70 рублей, да съ г. Переяславля-Рязанскаго купецкихъ людей М. Живаго 100 руб., да съ Григ. Колмакова 150 рублей, и по тому онаго Бѣляева на меня показанію я нынѣ признався, по должной всеподданнической совѣсти В. И. В. приношу повинную“ [4]).

Что повинная приносилась въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, это не удивительно, вѣдь столичныя связи не исчезали отъ одного появленія слѣдственной комиссіи; ихъ пускали въ ходъ и пользовались ими, пока хватало силъ и умѣнія. Каковы могли быть сила и умѣніе, можетъ намъ показать все та-же исторія Симбирскаго воеводы Ходырева, которая

---

1) $^{14}/_{230}$, л. 63.
2) $^{40}/_{256}$, л. 927–935.
3) $^{22}/_{238}$, л.239.
4) $^{38}/_{254}$, л. 127–128.

уже дала намъ такъ много свѣдѣній. Выше было упомянуто мимоходомъ о строгомъ приказаніи, данномъ слѣдователю Терскому, запечатать и выслать въ сенатъ письма разныхъ лицъ къ Ходыреву. Терскій исполнилъ это приказаніе, и благодаря этому мы наглядно можемъ видѣть какія тѣсныя и интимныя отношенія могли соединять мелкаго областного администратора со свѣтилами столичнаго міра. Ниже читатель найдетъ выдержки изъ писемъ, адресованныхъ Ходыреву камеръ-юнкеромъ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитрово, родственникомъ Шуваловыхъ; онѣ такъ типичны, что не привести ихъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, значило бы исказить ихъ [1]).

Еще до назначенія слѣдственной комиссіи Ходыревъ хлопочетъ въ столицѣ. Изъ вѣстей, полученныхъ имъ 1 октября 1746 г., видно, что дѣла его далеко не блестящи. „Человѣкъ твой и разсыльщикъ сюда пріѣхали“, пишетъ Хитрово, „доношеніе и челобитную я въ сенатъ подалъ, притомъ сколько силы было всѣхъ просилъ, а въ той ли секретъ челобитной и доношеніи, только по сіе время полнаго собранія нѣтъ; *Петръ Ивановичъ* старается вамъ служить... Я не могу описать сожалѣнія моего, что вы вступили въ ссору; надѣюсь велятъ слѣдовать, и можетъ быть слѣдствіе продолжится и васъ то обезпокоитъ; я прежде писалъ, ежели вы симъ мѣстомъ недовольны, то-бъ прислалъ доношеніе, чтобъ за болѣзнію смѣнили васъ... Пространнѣе буду писать съ человѣкомъ вашимъ“. Любопытна приписка къ письму жены Хитрово—сестры Шуваловыхъ: она благодаритъ за какую-то присылку, проситъ объявить поклонъ государынѣ-невѣстушкѣ и обѣщаетъ по дѣлу Ходырева „просить брата“.

Второе письмо Хитрово, также написанное въ октябрѣ 1746 г., еще интереснѣе. Сами друзья Ходырева признаютъ, что онъ испортилъ дѣло, затѣявъ ссору. Партія секретаря Манахтина сильнѣе и если еще удается успѣшно бороться съ врагами въ Сенатѣ, то только благодаря благодѣтелю Петру Ивановичу, въ которомъ читатель безъ труда узнаетъ извѣстнаго дѣятеля Елизаветинскаго царствованія—П. И. Шувалова. Но предоставимъ слово самому Хитрово. Многіе сенаторы „тебя винили и разсуждали, что вы зачинщикъ ссоры. А когда пріѣхалъ шуринъ мой Петръ Ивановичъ, какъ для моей и жениной просьбы, а больше какъ доброй совѣсти человѣкъ и любящій честь и дворянство, требовалъ челобитной (Ходырева) въ сенатѣ, которую нашли и притомъ разсуждалъ, что хотя ты по слѣдствію виноватъ найдешься, но прежде для одной только почтительной команды и для заслуженной чести, которую

---

[1]) Къ копіямъ писемъ, хранящимся въ дѣлѣ Ходырева, приложены нѣкоторыя замѣчанія слѣдственной комиссіи, не лишенныя интереса, извлеченія изъ нихъ также послужили для дальнѣйшаго изложенія.

ты, черезъ много служа, получилъ, дать тебѣ преимущество, и въ томъ началъ было голосъ свой писать, видя многихъ партію секретарскую держащихъ; наконецъ, по многимъ спорамъ склонились на разсужденіе П. И. и такъ сдѣлали, какъ слышу: товарища твоего отрѣшить отъ дѣлъ, секретаря оковать, къ Бардекевичу (Казанскому ревизору) послать указъ, чтобъ онъ одного штапа послалъ въ Симбирскъ, которому подъ его смотрѣніемъ слѣдовать". „Когда приказы получите, извольте отписать благодареніе къ Петру Ивановичу, ибо онъ за васъ весьма сильно старался". Петербургскіе благодѣтели не прочь и далѣе стараться за Ходырева и для этого выспрашиваютъ все, что можетъ быть во вредъ Манахтину: „прошу ко мнѣ прислать извѣстіе о секретарѣ Манахтинѣ, подлинно-ль онъ въ подушномъ окладѣ написанъ и какъ изъ того въ секретари вышелъ". Характерны дальнѣйшія приписки Хитрово: „секретарь, опредѣленный къ вамъ, у меня былъ и просилъ меня, чтобъ я объ немъ васъ просилъ". „Шуринъ мой Александръ Ивановичъ Шуваловъ проситъ, ежели крестьянинъ его приличился по какому дѣлу, то-бъ вы изволили съ нимъ по указамъ поступать".

Не остается и Ходыревъ въ долгу передъ своими благодѣтелями и шлетъ имъ деньги, рыбу съ Волги и рѣдкій въ то время въ Петербургѣ виноградъ. „Письма ваши", пишетъ А. А. Хитрово 2 декабря того же 1746 г., „и притомъ рыбу, икру, виноградъ и деньги получилъ". (Далѣе интересное замѣчаніе особаго, болѣе поздняго происхожденія: „что оныя деньги, въ узлу зашитыя, куда съ 2 или больше, къ нему Хитрову съ человѣкомъ воеводы Ходырева посланы, секретарь Ходырева Манахтинъ руки своей далъ записку, и не изволитъ ли Е. И. В. указать допросить, оныхъ денегъ много-ль послано и сколько денегъ и другихъ вещей посылывалъ, чтобъ объявилъ истину, хотя и безъ того ужъ видно"); „и какъ за письма, такъ и за присылку много благодарствую, ежели вы такъ насъ должите, а сами нужды имѣете, то повѣрь Богу, что я и безъ такихъ подарковъ вамъ всякаго благополучія желать долженъ; рыба первая сюда пришла, и еще ни у кого не было" (новое критическое замѣчаніе: „можно быть хорошей рыбѣ, для того, что въ узлу прислано серебра куда съ два и больше"), „я къ Петру Ивановичу отослалъ и къ княгинѣ Гессенъ-Гомбургской, за что васъ много благодарятъ; а Маврѣ Егорьевнѣ (Шуваловой, женѣ П. И.) коробку отъ васъ отдалъ, за что васъ велѣли благодарить; товарищъ къ вамъ еще не опредѣленъ, да ежели вамъ надобно, то еще безъ опредѣленія продолжится".

Ходыревъ не прочь бы благополучно уйти съ воеводства, но ему не совѣтуютъ этого въ его же интересахъ. „Что же изволите писать о смѣнѣ, я чаю, что пока слѣдствіе не окончается, просить нельзя; лучше быть воеводою да судиться, нежели смѣнясь жить тамъ же и нужиться" (sic). Пожаловавшись „на великую суету о пріуготовленіи матеріаловъ

къ строенію дома", отчего онъ терпитъ „убытки и несносную досаду", Хитрово кончаетъ любопытнѣйшимъ post-scriptum: „здѣсь я видѣлъ присланный изъ Казани мѣхъ русскихъ бобровъ, а не камчатскихъ, который собранъ въ Казани, и ежели можно черезъ купцовъ приказать собрать хорошій, чтобъ было подъ большую шубу, ежели то можно, пожалуй вели купить". Къ письму приложена и вторая приписка, гдѣ краски, рисующія положеніе Ходырева, становятся болѣе мрачными; носятся слухи о его возможномъ отрѣшеніи отъ должности; П. И. Шувалову стоитъ большого труда вернуть сенатъ къ его прежнему рѣшенію: „человѣкъ вашъ былъ задержанъ, чтобъ списавъ опредѣленіе сенатское къ вамъ послать, между тѣмъ изъ Казани прислано доношеніе, что между вами слѣдовать опредѣлено и пишутъ изъ Казани, чтобъ васъ отъ команды отрѣшить, противно тому опредѣленію, что сенатъ по челобитной твоей опредѣлилъ. И вчерашній день П. И. слушалъ доношеніе изъ Казани и всѣ ихъ (т.-е. противниковъ Ходырева) мнѣніе оставили, а опредѣлили быть по опредѣленію своему, которое прежде учинено по твоей челобитной, съ котораго копію посылаю. Вы, все получа, извольте благодарить Петра Ивановича, онъ сильно за васъ вступился, и письмо написавъ ему съ благодареніемъ, извольте ко мнѣ прислать, я его отдамъ; хотя онъ по просьбамъ моимъ то дѣлалъ, однако, какъ вспомнилъ то, что дворянинъ и офицеръ отъ проклятаго сѣмени терпѣть принужденъ". Я не могу обойти молчаніемъ еще одного, послѣдняго, письма Хитрово къ Ходыреву, написанному 11 марта 1747 г., т.-е. всего мѣсяца за 2 до отправленія въ Симбирскъ слѣдователя Терскаго. Въ этомъ письмѣ Ходырева хвалятъ за отказъ подчиниться казанскому слѣдователю и даютъ совѣты, какъ поступать далѣе: „Письмо ваше отъ 5 февраля получилъ, въ которомъ изволите писать, что Толстой (слѣдователь отъ Казанской губерніи) пріѣхалъ и что вы не пошли въ судъ, и то изрядно, понеже неудобно чтобъ было слѣдствіе; первая недѣля и масляница помѣшала, что никакихъ дѣлъ не дѣлали; съѣзда давно нѣтъ; мой совѣтъ еще вамъ, ежели будутъ принуждать, то показать свойство Толстого съ Микулинымъ (воеводскимъ товарищемъ), а о Микулинѣ отписать ко мнѣ, присутствуетъ ли онъ съ тобою въ канцеляріи или нѣтъ; о побѣгѣ Манахтина репортъ я получилъ и подалъ въ Сенатъ; благодарствую за рыбу, точію, государь мой братецъ, прислано много, сколько для меня въ провѣсъ не провѣшивается, и прошу впредь такъ много должить не извольте, мнѣ истинно совѣстно, что вы много должите". Только при такой сильной поддержкѣ могъ Ходыревъ, да и другой на его мѣстѣ, надѣяться на безнаказанность.

Въ архивѣ Ходырева находились и другія письма, не лишенныя интереса; читая ихъ, видишь, что люди, подобные нашему воеводѣ, дѣйствительно, могли возомнить о себѣ очень много: люди очень высокаго

положенія обращались къ нему со всевозможными просьбами; а оказанныя одолженія создавали почву для защиты. Ходыревъ, вѣроятно, зналъ это, и потому еще въ пору своего благоденствія былъ старательнымъ исполнителемъ просьбъ и порученій большихъ петербургскихъ особъ по части судебныхъ дѣлъ, вотчинныхъ распоряженій или устройства на службѣ какого-нибудь мелкаго родственника или знакомаго. Получалъ Ходыревъ письма и отъ другихъ членовъ семьи его благодѣтелей Шуваловыхъ, напримѣръ, отъ матери И. И. Шувалова—Татьяны Шуваловой, въ которомъ она проситъ: „не оставить племянницы нашея прапорщика Андреяна Башева жены по имѣющимся у васъ въ канцеляріи дѣламъ, а нынѣ она пишетъ ко мнѣ, что разбили разбойники и пойманы и содержатся у васъ въ канцеляріи. Того ради васъ, государя моего, прошу показать мнѣ свою милость". Пишутъ Ходыреву и другіе большіе вельможи того времени—гр. Г. П. Чернышовъ о бѣглыхъ крестьянахъ своихъ вотчинъ; о томъ же пишутъ кн. Сергѣй Кантемиръ, Грузинскій царевичъ, кн. А. Д. Голицынъ, Стрѣшневъ, Загряжскій; генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой проситъ воеводской помощи противъ своихъ взбунтовавшихся крестьянъ. Соперникъ Разумовскаго и Шувалова, А. Б. Бутурлинъ, прося сообщить подробныя свѣдѣнія о поимкѣ своихъ бѣглыхъ крестьянъ и переслать ему взысканныя по его порученію деньги, добавляетъ: „въ чемъ здѣсь когда могу, вамъ, моему государю, служить обязуюсь". В. Левашовъ, самый ретивый корреспондентъ Ходырева, осыпаетъ его письмами и порученіями, касающимися его имѣній и его судебныхъ дѣлъ, прося, между прочимъ, со злоупотребившимъ его довѣріемъ „плутомъ земскимъ" одной изъ его вотчинъ „для меня никакого ослабленія не показывая, по силѣ Е. И. В. указовъ, чему онъ за такое воровство достоинъ будетъ, наказаніе учинить". Кн. И. Одоевскій рекомендуетъ вниманію воеводы новаго провинціальнаго секретаря: „обрѣтающійся въ Прав. Сенатѣ дворянинъ Григорій Бардаковъ опредѣленъ на мѣсто бывшаго при васъ секретаря Манахтина секретаремъ, куда нынѣ и отъѣзжаетъ, о которомъ вамъ рекомендую, что онъ при дѣлахъ въ Прав. Сенатѣ находился добропорядочно и человѣкъ состоянія добраго". Кн. Мих. Долгоруковъ проситъ содѣйствія дѣламъ своего зятя Милославскаго и т. д. Среди другихъ писемъ находимъ коротенькую записку; она интересна потому, что интересенъ ея авторъ: „Государь мой, Андрей Алексѣевичъ, племянника моего, Ѳедора Кокошкина, имѣются въ Симбирскомъ уѣздѣ деревни. Того ради васъ, государя моего, прошу въ случающихся по тѣмъ деревнямъ его дѣлахъ показывать всякое благодѣяніе и вспоможеніе, въ чемъ благонадежнымъ пребуду. Вашъ, государя моего, слуга графъ Андрей Ушаковъ". Имѣя въ карманѣ просительное письмо страшнаго начальника тайной канцеляріи, можно было быть и смѣлымъ и увѣреннымъ въ себѣ. Заканчиваю обзоръ ходыревскаго архива

выдержкой изъ письма В. Н. Татищева. Письмо это показываетъ, какія отповѣди получалъ воевода, не исполнявшій просьбы вліятельнаго корреспондента: „сегодня весьма странное и невѣроятное услышалъ я отъ моего служителя о вашихъ ко мнѣ противностяхъ и какъ мнѣ сіе невѣроятно, паче вѣдая, что вы еще въ умѣ не повредились и разсудить доброе и должное отъ зла и непристойности можете, для того разсудилъ вамъ оное объявить, требуя на то вашего изъясненія". „Противности", (касавшіяся вотчинныхъ дѣлъ Татищева,) чинились воеводой, несмотря на то, что Татищевъ уже „засвидѣтельствовалъ" свои добрыя отношенія къ Ходыреву, послав его женѣ „индѣйскую скатерть, не мысля ни о какихъ притомъ дѣлахъ" [1]).

Я остановился подробно на перепискѣ воеводы Ходырева, потому что она лучше, чѣмъ всякое разсужденіе, показываетъ силу человѣка, дѣянія котораго надлежало разслѣдовать; возможно, что не у всѣхъ были такіе могущественные покровители, какъ у Симбирскаго воеводы, но кое-какія связи были у всякаго и поэтому слѣдствіе почти всегда пріобрѣтало характеръ ожесточенной борьбы между слѣдователемъ и подслѣдственнымъ, борьбы, гдѣ пускались въ ходъ всякія средства и гдѣ участвующіе не стѣснялись ничѣмъ. Для иллюстраціи такой борьбы приведемъ еще одинъ примѣръ. 23 мая 1729 года подполковнику князю Гагарину, ведшему слѣдствіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, было отправлено изъ Сената распоряженіе „обще" съ указами „Нижегородской губерніи къ управителямъ", ревизовать дѣйствія которыхъ онъ какъ разъ и былъ посланъ. Секретари губерніи, Подогинскій и Резановъ, главные враги Гагарина, поспѣшили предназначенный для слѣдователя указъ спрятать и потомъ объявляли, что „тотъ-де указъ получили они въ Нижнемъ іюня 5 дня 1729 г., а кн. Гагарину отослать не смѣли, опасаясь за то напраснаго себѣ отъ него задержанія подъ карауломъ и что онъ, Гагаринъ, былъ на Макарьевской ярмаркѣ, а по возвращеніи съ той ярмарки за иными приказными нуждами, и что тотъ указъ въ письмахъ заложился, они забыли, а вспомнили объ немъ 2 декабря 1729 г., а отыскавъ того жъ числа къ нему и отослали". Правда, за это обоихъ секретарей, „отнявъ чины, выслали скованныхъ изъ Москвы", но цѣль была достигнута, и слѣдователь, не исполнившій неполученнаго приказанія, былъ скомпрометированъ въ глазахъ высшаго начальства [2]).

Значительныя подчасъ осложненія вносились въ работу слѣдственныхъ комиссій положеніемъ, которое въ этомъ дѣлѣ занимали иниціаторы его—„доносители". Намъ уже извѣстна комиссія бригадира Бухольца, дѣйствовавшая въ Иркутскѣ. Все дѣло поднялъ доноситель

---

[1]) Письма Ходырева $^{103}/_{319}$, лл. 214—295.

[2]) $^{14}/_{230}$, л. 63—65.

Ракитовъ, бывшій ссыльный, который потомъ старался запутать слѣдствіе, потому, вѣроятно, что и самъ былъ во многомъ неправъ. Онъ удваивалъ старанья, чтобы доказать свое усердіе, и посылалъ доносы на Бухольца, обвиняя его въ слишкомъ большой дружбѣ къ губернскому начальству, которое тотъ ревизовалъ [1]). Вятскій архимандритъ Іоасафъ Потемкинъ, начавшій дѣло противъ секретаря Перминова, не останавливается въ своемъ рвеніи и шлетъ въ Петербургъ доносъ за доносомъ, стремясь направить слѣдствіе по желательному для него пути [2]). Обратимся еще разъ къ Нижегородскому слѣдователю 1728—31 гг. кн. Гагарину, которому болѣе всѣхъ, быть можетъ, пришлось считаться съ усердіемъ доносителей. Недовольные веденіемъ слѣдствія, двое изъ доносителей, подъячіе Семенъ Колмогорскій и Григорій Богдановъ, бѣжали изъ Нижняго еще до окончанія работы Гагарина и подали императрицѣ новый доносъ. По ихъ словамъ, „слѣдствіе произведено было и нынѣ производится не по указамъ, но по особливымъ ихъ (Гагарина и вице-губернатора Волынскаго) мнѣніямъ къ пользѣ хищниковъ и презрителей указовъ“; въ подтвержденіе этого они приводятъ цѣлый рядъ фактовъ, скрытыхъ или оставленныхъ безъ вниманія слѣдователемъ; приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: „писецъ Почайновъ по обличенію ихъ доносителей въ чищеньѣ въ приходной книгѣ числа денегъ по умаленію суммы рубля 15 копѣекъ, въ чемъ и винился, не розыскиванъ“; „нижегородскіе ратушскіе бурмистры въ сборѣ безъ указу народныхъ денегъ болѣе 5000 рублей и въ тратѣ оныхъ во взятки той губерніи судьямъ и подъячимъ за послабленіе государственныхъ сборовъ, и тѣхъ денегъ ни на комъ не взыскивано“; „будучи при томъ слѣдствіи онъ, Гагаринъ да секретарь Ив. Соколовъ брали взятки съ Нижегородца купеческаго человѣка Ст. Сиротина, который содержался за кабацкую доимку, за свободу его изъ караула 200 р., изъ которыхъ взяли себѣ кн. Гагаринъ 50 руб. сер., а Соколовъ 150 руб. [3]). Мы не знаемъ основаній, на которыхъ строили свой доносъ подъячіе, но доносъ ихъ—яркій примѣръ вмѣшательства доносителей въ слѣдствіе съ цѣлью направить его по ихъ желаніямъ.

Въ приведенныхъ выше случаяхъ слѣдователь Гагаринъ и вице-губернаторъ Волынскій дѣйствовали вмѣстѣ, и ихъ согласіе раздражало доносчиковъ. Съ другой стороны, намъ извѣстенъ случай, когда Арзамасскій провинціальный воевода Шишкинъ не хотѣлъ подчиниться слѣдователю-сосѣду, воеводѣ Алатырской провинціи, и Нижегородская

---

1) $^{32}/_{248}$.
2) $^{51}/_{267}$.
3) $^{14}/_{230}$, л. 595 - 601.

губернія, сама назначившая слѣдствіе, сама же просила сенатъ о назначеніи комиссіи изъ Петербурга. Позднѣе сенатскому слѣдователю, Ржевскому, особенно мѣшалъ Алатырскій воеводскій товарищъ Ив. Рѣпинъ [1]). Картина мира и согласія въ подобныхъ случаяхъ наблюдается рѣже, чѣмъ противоположная. Слѣдователь бывалъ снабженъ слишкомъ большими полномочіями, чтобы не возбудить подозрѣнія со стороны людей и учрежденій, стоявшихъ рядомъ съ полемъ его дѣйствій и жившихъ порядками, сходными съ тѣми, которые подвергались ревизіи. Самое назначеніе слѣдственной комиссіи задѣвало иногда самолюбіе областныхъ дѣятелей, не замѣшанныхъ прямо въ дѣло. О Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ долгое время вела слѣдствіе Казанская губернская канцелярія; слѣдствіе велось такъ, что обиженные подали жалобу въ сенатъ. Присланный изъ Петербурга слѣдователь на нѣсколько лѣтъ сталъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ въ Пензѣ, фактически устранилъ Казанское губернское начальство и властно требовалъ передачи ему всѣхъ дѣлъ по слѣдствію надъ Жуковымъ [2]). Естественно, что отношенія между губернской канцеляріей и слѣдственной комиссіей не могли отличаться особенной сердечностью и слѣдователь Игнатьевъ не могъ разсчитывать на содѣйствіе губернской администраціи. Въ дѣлѣ Перминова слѣдственная комиссія Полянскаго устранила отъ дѣлъ всю мѣстную администрацію, и понятно, что послѣдняя не могла ей этого простить. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, если являлись подозрѣнія въ сочувствіи мѣстной администраціи подпадавшимъ подъ слѣдствіе или если слѣдователь старался какъ можно рѣзче отмежевать себя отъ неподвѣдомственныхъ комиссіи учрежденій, какъ это, напримѣръ, сдѣлалъ по отношенію къ той же Казанской губерніи хорошо намъ извѣстный капитанъ Терскій [3]). И надо думать, что вина здѣсь не всегда лежала на мѣстныхъ властяхъ; слѣдователь бывалъ настоящимъ диктаторомъ, а при низкомъ культурномъ уровнѣ людей XVIII вѣка, при легкомыслiи и заносчивости, столь обычныхъ для того времени, нетрудно себѣ представить, какъ вызывающе могъ держать себя слѣдователь, какое враждебное чувство могъ онъ возбудить вокругъ себя.

Глухое сопротивленіе подслѣдственныхъ, вмѣшательство доносителей, недоброжелательство мѣстныхъ властей, — все это были обстоятельства, которыя не могли благопріятно отозваться на успѣшности работъ слѣдственныхъ комиссій. Надо было имѣть большое самообладаніе, чтобы удержаться въ равновѣсіи и довести дѣло, несмотря на всѣ

---

1) $^{52}/_{269}$, л. 66, 413, 414.
2) Чтенія О. И. Д. Р. 1888, № 1, 4—8.
3) $^{103}/_{319}$, л. 200—202.

подводные камни, до благополучнаго конца. Наблюденія надъ практикой слѣдственнаго дѣла показываютъ, что дальнѣйшій ходъ и самые результаты работы слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ могли быть очень различными въ зависимости отъ характера самого слѣдователя и того, какъ складывались отмѣченныя выше неблагопріятныя для слѣдствія обстоятельства.

Чаще всего дѣйствіе силъ, вредившихъ слѣдствію, приводило къ тому, что слѣдствіе запутывалось. Типичными примѣрами могутъ служить длившееся чуть ли не 10 лѣтъ слѣдствіе о провинціальномъ секретарѣ Аверкіи Перминовѣ, которое постепенно обросло цѣлымъ рядомъ второстепенныхъ дѣлъ, частью органически вытекавшихъ изъ главнаго, частью искусственно къ нему пристегнутыхъ. Не менѣе характерно дѣло Сибирскаго губернатора Сухарева: уже послѣ того, какъ слѣдствіе было въ полномъ ходу, на Сухарева пошли новые доносы, частью повторявшіе старыя обвиненія, частью выставлявшіе новыя [1]).

Человѣкъ энергичный, настойчивый, раздраженный глухимъ сопротивленіемъ и мелкими непріятностями, могъ забыть, что онъ былъ слѣдователемъ, и могъ стремиться превратиться въ судью, на что онъ бывалъ уполномоченъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Тотъ, кто сохранялъ въ бо́льшей степени чувство законности, самъ могъ искать въ судѣ правды за обиды и нареканія, которымъ онъ подвергался. Такъ, напримѣръ, поступилъ тарскій слѣдователь, подполковникъ Сухаревъ, подавшій челобитную въ клеветѣ въ отвѣтъ на жалобу, исходившую отъ тарскаго воеводы [2]). Человѣкъ мягкаго характера, неустойчивый, особенно если онъ былъ вдобавокъ не чуждъ корыстолюбія, рисковалъ не удержаться на высотѣ положенія и легко могъ дѣлать ложные шаги. Не разъ упомянутаго князя Гагарина вѣроятно недаромъ упрекали въ пристрастіи и неумѣніи вести дѣло.

Постоянныя неудачи могли повліять на слѣдователя еще иначе: полковникъ Боборыкинъ самъ приходитъ въ отчаяніе отъ той праздности, въ какую погружена была его комиссія „за опроверженіемъ онаго губернатора Сухарева“ [3]). Не справившійся со своей задачей, слѣдователь нерѣдко обращался къ начальству съ просьбой его уволить; такъ поступилъ Московской ревизіонъ-конторы совѣтникъ Таптыковъ, начавшій слѣдствіе о Рязанскомъ воеводѣ Чебышовѣ; раздраженный препятствіями, выроставшими передъ нимъ на каждомъ шагу, онъ просилъ его смѣнить, ссылаясь на то, что онъ „волею Божіей одержимъ тяжкою глазною болѣзнью, а за неимѣніемъ здѣсь (въ Переяславлѣ-Рязанскомъ) лекаря,

---

[1]) $^{40}/_{256}$, лл. 165—175, 185—186.

[2]) $^{20}/_{236}$, лл. 969, 976, 979, 986, 993, 994.

[3]) $^{40}/_{256}$, лл. 936—939; другой примѣръ: $^{89}/_{305}$, л. 694: комиссія подполковника Пестова почти праздна.

пользовать той болѣзни некому“ [1]). Иногда слѣдователь, наоборотъ, готовъ былъ вести свое дѣло дальше, но другіе просили о его смѣнѣ, и подобныя ходатайства нерѣдко увѣнчивались успѣхомъ. Вотъ характерный примѣръ: въ іюлѣ 1753 года „въ военную коллегію коллежскій ассесоръ Аѳанасій Гончаровъ поданною челобитною объявляетъ, что слѣдователь по дѣлу „о бѣглыхъ Брянской его вотчины крестьянъ съ брянскими купцами Е. И. В. указамъ противностяхъ“ подполк. Лялинъ, „по страсти черезъ происки брянскихъ купцовъ, подлежащихъ къ тому слѣдствію, повѣреннаго его (Гончарова) по тому дѣлу не допущаетъ, приказчика его, Зайцева, и крестьянъ, которые отъ тѣхъ воровъ разорены о несъѣздѣ ихъ никуды обязалъ подписками, незнаемо для чего безвинно“, а купцовъ, причастныхъ къ дѣлу, „дружа и норовя имъ не сыскиваетъ“. Гончаровъ настоятельно жалуется на пристрастіе Лялина, ничѣмъ впрочемъ жалобъ своихъ не доказывая, и достигаетъ того, что военная коллегія „реченнаго подполк. Лялина за показаннымъ на него колл. асс. Гончарова подозрѣніемъ и посягательствомъ отъ порученнаго ему слѣдствія“ отрѣшила, а на мѣсто его назначила премьеръ-маіора Выродова, который и повелъ дѣло именно такъ, какъ хотѣлъ Гончаровъ. Въ результатѣ вся слѣдственная комиссія о брянскихъ посадскихъ людяхъ и крестьянахъ Гончарова превратилась въ обыкновенное уголовное дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ [2]).

Мы не знаемъ, насколько подп. Лялинъ заслуживалъ обвиненій, которыя на него взводилъ Гончаровъ, но намъ хорошо извѣстны случаи, когда слѣдователи, опьяненные властью, теряли голову. Призванные судить о проступкахъ другихъ, они часто оказывались такими же людьми своего вѣка и бывали случаи, когда слѣдователь болѣе годился въ подслѣдственные, чѣмъ въ судьи чужихъ поступковъ. Очень интересенъ съ этой стороны „представленный отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ“ и отправленный на слѣдствіе въ Алатырь подполк. Максимъ Полубояриновъ. Находившійся подъ слѣдствіемъ воевода Шишкинъ жаловался на него, говоря, что онъ, „ѣздя по уѣздамъ покупаетъ земли на посторонніе имена, а при письмѣ крѣпостей пошлины таитъ“. Жалобы шли и на сына слѣдователя: „сынъ твой, за запретительнымъ Е. И. В. указомъ, декабря 19 дня 1745 г., которымъ запрещено въ домѣхъ ни по птицамъ, ни для забавъ подъ взятіемъ штрафа 1000 р. стрѣлять, пришедъ къ воеводскому двору въ огородъ изъ ружья стрѣлялъ“. Жаловался на Полубояринова также состоявшій при комиссіи канцелярист Красильниковъ: „мая 23 дня 1749 г. оный подполковникъ пришедъ въ слѣдственную комиссію передъ вечернимъ временемъ изъ гостей и безъ

---

[1]) $^{38}/_{254}$, л. 61.

[2]) $^{54}/_{270}$, лл. 406—409, 1052—1053.

всякой моей вины бранилъ меня всякою скверною и непотребною бранью и приказывалъ посадить въ чѣпь большую, а потомъ приказалъ сковать въ желѣзо, и изъ той комиссіи тогда скованой высланъ я на дворъ на крыльцо". Красильникова держали подъ карауломъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ, но на этомъ его мытарства не кончились. 7 января 1750 года, выпущенный изъ-подъ ареста онъ пришелъ „къ оному подполковнику и просилъ", „чтобъ о выдачѣ ему недоданнаго жалованья послано было въ Алатырскую провинціальную канцелярію и на оное онъ подполковникъ мнѣ сказалъ, чтобъ ходить мнѣ по-міру и просить милостыню Христа ради, а жалованья на тебя требовать не буду и не своими де за тебя деньгами платить и буде де хочешь, поѣзжай въ Москву и бей челомъ на меня, а пашпорту де тебѣ дать нельзя". Красильниковъ поѣхалъ въ Москву и добился смѣщенія Полубояринова, который тѣмъ временемъ успѣлъ рассориться и со своимъ помощникомъ колл. секр. Долженковымъ [1]). Красильниковъ въ числѣ другихъ жалобъ указывалъ, что Полубояриновъ „бралъ рыбою"; бывали и прямыя обвиненія во взяткахъ; мы видѣли ихъ выше, приводя челобитья доносителей на слѣдователя Гагарина. Едва ли здѣсь одни только наговоры и подозрѣнія. Возможность для слѣдователя самому согрѣшить и даже въ концѣ концовъ попасть подъ слѣдствіе было реальнымъ фактомъ въ административной жизни XVIII вѣка. „Сибирскаго гварнизона" Енисейскаго пѣхотнаго полка подполк. А. М. Сухаревъ въ 1730—32 гг. велъ слѣдствіе о тарскомъ воеводѣ Рукинѣ и, насколько можно судить, велъ его энергично и добросовѣстно. Двѣнадцать лѣтъ спустя тотъ же самый Сухаревъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности Сибирскаго губернатора самъ попалъ подъ слѣдствіе, тянувшееся до его смерти. Отмѣтимъ еще, что слѣдователи подвергались иногда и дисциплинарнымъ взысканіямъ: извѣстному намъ полк. Лукьяну Боборыкину было указано, „за непорядочные его въ противность многимъ указамъ поступки, не производить ему жалованья" [2]).

Мы выяснили въ главныхъ чертахъ ходъ работы слѣдственныхъ комиссій на мѣстахъ ихъ дѣйствій. Сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть какъ много встрѣчалось здѣсь затрудненій. Успѣху дѣла мѣшало многое, и случалось, дѣло оставалось на полдорогѣ. Впрочемъ, болѣе обычнымъ было, что слѣдователи кончали свой трудъ на мѣстѣ и представляли результаты его въ учрежденіе, ихъ командировавшее. На этомъ дѣло слѣдствія не останавливалось, оно переходило лишь въ новую стадію, и конецъ его бывалъ иногда еще очень далекъ.

---

[1]) $^{53}/_{269}$, лл. 118, 122, 162, 163, 191—194.
[2]) $^{40}/_{256}$, л. 1024.

IV.

Пока слѣдственная комиссія вела свою работу на мѣстѣ, высшее учрежденіе, назначившее ревизію, сохраняло наблюденіе за всѣмъ дѣломъ. Какъ ни были широки полномочія слѣдователя, онъ все-таки не былъ вполнѣ самостоятельнымъ и въ важныхъ случаяхъ сносился съ командировавшимъ его учрежденіемъ, доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ, испрашивалъ новыхъ распоряженій. Положеніе слѣдователя осложнялось и необходимость сноситься съ начальствомъ дѣлалась настоятельной, если къ дѣлу слѣдствія были причастны нѣсколько вѣдомствъ. При безсистемности въ іерархіи учрежденій XVIII в. слѣдователю надо было быть очень внимательнымъ, чтобы не попасть въ непріятное, даже, можетъ быть, опасное положеніе между прямымъ начальствомъ съ одной стороны и какой-нибудь коллегіей, соляной конторой, сыскнымъ приказомъ или главнымъ магистратомъ съ другой. Чѣмъ крупнѣе было дѣло, тѣмъ положеніе могло оказаться труднѣе. Когда, напр., изслѣдовались поступки Сибирскаго губернатора Сухарева, то слѣдственной комиссіи приходилось вести сношенія не только съ Сенатомъ, но еще съ тайной канцеляріей, сенатской конторой и Сибирскимъ приказомъ въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что необходимость принимать во вниманіе требованія и интересы различныхъ учрежденій и вѣдомствъ очень замедляла дѣло и потому одновременныя сношенія съ нѣсколькими высшими учрежденіями слѣдуетъ считать въ числѣ обстоятельствъ, понижавшихъ успѣхъ слѣдственныхъ комиссій.

Но вотъ слѣдствіе оканчивалось. Что же представляла слѣдственная комиссія пославшимъ ее, въ качествѣ матеріала, на основаніи котораго долженъ былъ рѣшиться вопросъ о виновности иногда очень вліятельныхъ лицъ? Обычно высылалось все дѣлопроизводство комиссіи и въ особенности показанія, данныя какъ подслѣдственными лицами, такъ и свидѣтелями; центральной частью этого производства были донесенія самихъ слѣдователей и „экстрактъ“ всего дѣла, который и долженъ былъ служить путеводной нитью для ознакомленія съ нимъ. Примѣромъ дальнѣйшей судьбы дѣла въ губернской канцеляріи можетъ служить Тарская комиссія подп. Сухарева 1730—32 гг. Дѣятельность Сухарева выразилась главнымъ образомъ въ разборѣ жалобъ на воеводу Рукина, по которымъ онъ выносилъ и приговоры [1]). Однимъ изъ первыхъ было разо-

[1]) Дѣятельность Сухарева можетъ, между прочимъ, служить примѣромъ, сравнительно рѣдкимъ, когда слѣдствіе смѣшивается съ судомъ и слѣдователь въ противоположность обыкновенію выступаетъ въ качествѣ судьи, рѣшающаго цѣлый рядъ дѣлъ ($^{20}/_{236}$, лл. 42 — 45, 93, 146, 176, 189, 361, 554). Обычно слѣдователь, не постановляя окончательнаго рѣшенія, высказывалъ по судебному

брано дѣло по жалобѣ сына боярскаго Василія Чередова, обвинявшаго Рукина въ томъ, что, несмотря на поднесеніе ему „за честь“ 3 соболей, 2 лисицъ, 2 золотниковъ золота и другихъ подарковъ (которыхъ онъ, Чередовъ, впрочемъ, на Рукинѣ „не спрашиваетъ и не истецъ“), воевода вымогательствами взялъ у него 15 лисицъ красныхъ, 5 руб. денегъ, „лошадь иноходную“. Послѣ приговора, произнесеннаго Сухаревымъ, дѣло перешло въ Тобольскую губернскую канцелярію, гдѣ „1731 г., сентября 27 дня, по указу Е. И. В., тайный сов. и Сибирской губерніи губернаторъ г. Плещеевъ, да полковникъ и вице-губернаторъ г. Болтинъ приговорили: по силѣ Соборнаго Уложенія 10 главы 136-й статьи и 14-й главы и по учиненному въ Тарѣ приговору за рукою полк. Сухарева, истца Чередова оправить, а отвѣтчика Рукина обвинить“ [1]). И это дѣло и длинный рядъ дѣлъ, послѣдовавшихъ за нимъ—совершенно однороднаго характера; губернская канцелярія утверждаетъ предварительный приговоръ Сухарева; бывшій воевода Рукинъ, рядовой мошенникъ того времени (человѣкъ впрочемъ сравнительно совѣстливый, такъ какъ обычно, „до крестнаго цѣлованія не допускалъ“ и винился во взяткахъ), приговариваемъ былъ къ удовлетворенію гражданскаго иска и возмѣщалъ то, что прежде успѣлъ награбить. Интересно однако, что кромѣ отставленія отъ должности онъ другого наказанія не понесъ.

Самыя значительныя и интересныя слѣдственныя комиссіи назначались изъ Сената; туда же представлялись матеріалы, добытые слѣдствіемъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ въ Сенатѣ даетъ самыя типичныя и интересныя картины изъ этой послѣдней стадіи дѣятельности слѣдственныхъ комиссій.

Наблюденія надъ производствомъ дѣлъ въ Сенатѣ приводятъ прежде всего къ выводу, что дѣла тянулись невѣроятно долго; въ столицѣ начиналась настоящая Петербургская волокита, которая ничѣмъ не отличалась отъ старой Московской. Дѣло воеводы Жукова велось на мѣстѣ съ 1752 по 1756 г., а въ Петербургѣ лежало безъ движенія еще въ 1763 г.; конца его мы такъ и не знаемъ [2]). Дѣло Ходырева началось въ 1746 г.; 27 іюня 1753 г. кап. Терскій закончилъ слѣдствіе и представилъ прямо въ кабинетъ императрицы донесеніе

дѣлу только „мнѣніе“, которое и представлялъ вмѣстѣ съ подробной мотивировкой и всѣми документами по начальству. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить дѣятельность подп. Коробова, изслѣдовавшаго дѣйствія Ярославскаго воеводы Вельяминова-Зернова: разсмотрѣвъ жалобы онъ составлялъ „мнѣнія“, которыя и представлялись въ сенатъ. ($^{16}/_{232}$, лл. 597—603, 929—936, 982—983, 1028—31, 1048—49).

[1]) $^{20}/_{236}$, лл. 30—39, 42—44.

[2]) Чт. О. И. Д. Р. 1888, № 1, стр. 33—34.

вмѣстѣ съ экстрактомъ на нѣсколькихъ сотняхъ листовъ. Тамъ дѣло лежало до 1757 г., когда новые хлопоты неугомоннаго секретаря Манахтина перенесли его въ сенатъ для разбора, котораго оно, однако, дожидалось еще 2 года [1]). Дѣло секретаря Перминова, рѣшенное сенатомъ въ 4 мѣсяца—блестящее, но рѣдкое исключеніе [2]). Если же взять общую продолжительность дѣйствій слѣдственныхъ комиссій, то здѣсь періодъ въ 10 лѣтъ является далеко не рѣдкостью [3]).

Длинный періодъ времени не былъ гарантіей всесторонняго и безпристрастнаго разсмотрѣнія дѣла. Если мы исключимъ тѣ комиссіи, дѣла которыхъ дошли до насъ не въ полномъ составѣ, то найдемъ случаи, когда дѣло за прекращеніемъ не доходило въ сенатѣ до суда. Это могло произойти вслѣдствіе стараній сильныхъ друзей; мы видѣли, какъ работали родственники и кумовья для тѣхъ, кому только грозилъ судъ; они не переставали работать и послѣ перехода дѣла въ сенатъ. Дѣло князя Козловскаго, кажется, такъ и заглохло; такую же судьбу имѣло повидимому и дѣло Вельяминова-Зернова, разслѣдованное въ Ярославлѣ Коробовымъ.

Надобно было имѣть выдающуюся энергію секретаря Манахтина, чтобъ наперекоръ всѣмъ Шуваловымъ вырвать свое дѣло изъ забвенія. Эпизодъ этотъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: 3 января 1758 г. ген. прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой получилъ письмо отъ гр. А. Б. Бутурлина съ предложеніемъ отъ имени императрицы немедленно разсмотрѣть дѣло Манахтина. Письмо подѣйствовало. 4 дня спустя правительствующій сенатъ „приказали“ поставить дѣло Манахтина и Ходырева на очередь. Поддержка Бутурлина и позднѣе, вѣроятно, помогла Манахтину довести свое дѣло до благополучнаго окончанія. Въ другихъ случаяхъ прекращала дѣло сама верховная власть не безъ старанія и здѣсь со стороны друзей. Такъ случилось съ дѣломъ по обвиненію Волынскаго въ притѣсненіяхъ инородцевъ. Наконецъ, дѣло могло оканчиваться безъ разбирательства вслѣдствіе смерти заинтересованныхъ лицъ. Дѣло Сибирскаго губернатора Сухарева возникло въ 1744 г. и затянулось на цѣлыхъ 10 лѣтъ; 16 апрѣля 1754 г. начальникъ слѣдственной комиссіи, чуть ли не пятый по счету, полк. Сацыперовъ, изобразивъ печальное положеніе комиссіи, „праздной“ „за непроизвожденіемъ дѣлъ“, просилъ „высокоповелительнаго указу помянутое о г.-м. Сухаревѣ слѣдствіе за вышеизображенными обстоятельствы и что уже оный губернаторъ Сухаревъ и доноситель подполк.

---

[1]) $^{104}/_{320}$, лл. 1—13, 805—806.

[2]) $^{51}/_{267}$. лл. 2073—89.

[3]) Изъ 20 комиссій, дѣла которыхъ были изучены въ полномъ составѣ, 6 продолжались свыше 10 лѣтъ, 6 — отъ 5 до 8 лѣтъ и 8 — меньшій періодъ времени.

Кенеманъ помре, а прочіе доносители содержатся подъ секретными и безвѣстными аресты, повелѣно-ль будетъ болѣе производить“ [1]). И сенатъ, войдя въ это экстраординарное положеніе, указомъ отъ 16 сентября того же 1754 г. прекратилъ дѣло [2]).

Обратимся теперь къ слѣдственнымъ дѣламъ, которыя доводились въ сенатѣ до конца. Обзоръ относящагося сюда матеріала даетъ возможность сдѣлать довольно любопытныя наблюденія.

Должностныя лица, дѣянія которыхъ приходилось разслѣдовать комиссіямъ, грѣшили больше всего лихоимствомъ и взяточничествомъ. За эти грѣхи и выносили имъ чаще всего обвинительный приговоръ. Выше я уже имѣлъ случай указать, что Тобольская губернская канцелярія, признавъ воеводу Рукина виновнымъ во взяточничествѣ, опредѣлила взыскать съ него всю забранную сумму, не наложивъ на него наказанія за самый фактъ взяточничества и вымогательства. Приблизительно на такой же точкѣ зрѣнія стояли сенатъ и слѣдователи, посылаемые изъ столицы: въ принципѣ въ пользу казны взимался штрафъ въ двойномъ размѣрѣ противъ взятаго, согласно 22 ст. 7 главы Уложенія; за сто лѣтъ понятіе о карѣ за должностныя преступленія не сдѣлало и шагу впередъ; наоборотъ, на практикѣ, очень часто признавалось достаточнымъ простое возмѣщеніе. Ярославскій слѣдователь Коробовъ представилъ въ сенатъ слѣдующее мнѣніе объ одномъ изъ подвиговъ воеводы Вельяминова-Зернова. Послѣдній, получивъ приказаніе выслать въ Петербургъ сына ярославскаго купца Ивана Крылацкаго „въ непоставкѣ въ адмиралтейство провіанта“, держалъ подъ стражей обоихъ—отца и сына—въ теченіе нѣсколькихъ недѣль „и взялъ съ нихъ денегъ 10 рублей да косякъ мыла 1 руб. 20 коп.“. Мнѣніе Коробова таково: „по сему дѣлу надлежитъ истцу Крылацкому отъ отвѣтчика стат. сов. Ѳедора Вельяминова-Зернова взятыя деньги 10 руб., да за косякъ мыла 1 руб. 20 коп., возвратить, а что онъ, Вельяминовъ-Зерновъ, въ прошломъ 1727 году его истца и сына его Ивана и служителя ихъ подъ карауломъ держалъ октября съ 26 декабря по 1-е число, зато на немъ, Вельяминовѣ, взять штрафу 50 руб.“ [3]). Итакъ, матеріальный ущербъ возмѣщается, а штрафъ берется за незаконный арестъ. Мы не знаемъ, какъ взглянули въ сенатѣ на мнѣніе Коробова; для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ въ высшемъ учрежденіи имперіи, приходится обратиться къ другимъ примѣрамъ. Съ рязанскихъ провинціальныхъ властей, признанныхъ виновными во взяточничествѣ, сенатъ опредѣлилъ произвести взысканіе слѣдующимъ образомъ: со

---

1) $^{104}/_{320}$, л. 805.

2) $^{40}/_{236}$, лл. 1369—1374; 1379—1382.

3) $^{16}/_{232}$, лл. 982—983; аналогичный примѣръ тамъ же, лл. 1048—49.

всѣхъ взять вдвое, а „которыя взятки Чебышовъ и Олсуфьевъ брали съ подъячаго Бѣляева, тако-жъ и Бѣляевъ бралъ съ подрядчиковъ, тѣ съ нихъ взыскать въ казну-жъ въ одинъ рядъ"; взятые съ населенія поборы возвратить тѣмъ, у кого они взяты [1]). Точно такимъ же образомъ былъ оштрафованъ за взятки и поборы казанскій ревизоръ Бардекевичъ [2]).

Другая характерная черта сенатскихъ приговоровъ по слѣдственнымъ дѣламъ — это бо́льшая сравнительно строгость наказаній для младшихъ служащихъ, для мелкой сошки. Любопытно въ этомъ отношеніи сложное и запутанное дѣло 1730 годовъ о злоупотребленіяхъ въ Калужской провинціальной канцеляріи. Оно началось съ доноса воеводскаго товарища маіора Потемкина на воеводу Бестужева и ассессоровъ Ханыкова и Кирикрѣйскаго. Пошло слѣдствіе; оно осложнилось другими доносами, другими побочными дѣлами, въ которыя оказались замѣшанными и полковникъ, разыскивающій бѣглыхъ рекрутъ, и предшественникъ Бестужева кн. Вяземскій, и секретарь калужской провинціи Протопоповъ, и калужскіе посадскіе люди. Дѣло нѣсколько разъ восходило въ сыскной приказъ и въ сенатъ; въ немъ принималъ дѣятельное участіе энергичный оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ и, несмотря на это, все кончилось тѣмъ, что двумъ калужскимъ подъячимъ учинено по приговору Сената наказаніе кнутомъ [3]). Изъ слѣдственнаго дѣла бригадира Бардекевича выяснилось, что помощникомъ его и ревностнымъ исполнителемъ его приказаній по части взятокъ, своза крестьянъ и записки ихъ за Бардекевичемъ во время второй ревизіи былъ нѣкій вахмистръ, позднѣе прапорщикъ Демьяновъ. И что же? Бардекевичъ наказанъ штрафомъ—вычетомъ за треть года жалованья, а Демьяновъ разжалованъ и написанъ въ драгуны [4]).

Третья черта, неизмѣнно отличающая ходъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Сенатѣ, заключается въ постоянной снисходительности къ дворянамъ, наряду съ безпощадной строгостью къ разночинцамъ, посадскимъ и крестьянамъ. Можно подумать, что существуютъ двѣ мѣрки поступковъ — одна для дворянъ, другая — для всего остального населенія. Впрочемъ, для Россіи XVIII вѣка въ этомъ едва-ли есть что-либо удивительное. Дворянство господствуетъ и господство это тяжело ложится на всѣхъ соціально и политически обездоленныхъ, т.-е. фактически на всѣхъ не-дворянъ; это въ особенности замѣтно въ чисто дворянское Елизаветинское царствованіе. Такъ, напримѣръ, въ извѣст-

---

[1]) $^{38}/_{254}$, л. 245.
[2]) $^{55}/_{271}$, лл. 965 – 971.
[3]) $^{23}/_{239}$, лл. 11, 1132—1135; $^{26}/_{242}$, лл. 7, 8, 280, 348, 526.
[4]) $^{55}/_{271}$, лл. 970—971.

номъ дѣлѣ помѣщика Гончарова, Елизаветинскій сенатъ (1749), явно пристрастно относившійся къ интересамъ Гончарова во все время существованія слѣдственной комиссіи, въ концѣ концовъ, едва ли вникнувъ особенно глубоко въ дѣло, постановилъ возвратить крестьянъ Гончарову, заводчиковъ дѣла бить кнутомъ, остальныхъ же бить „плетьми нещадно“, чтобы имъ впредь не повадно было бѣгать [1]).

Если преступленіе совершалось двумя лицами—дворяниномъ и недворяниномъ, то можно сказать навѣрное, что наказаніе второго было болѣе тяжкимъ. По совокупности всѣхъ преступленій, совершенныхъ рязанскими провинціальными властями, приказано было „бывшаго воеводу Чебышова и тит. сов. Олсуфьева, понизя по одному рангу, ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и дать имъ пашпорты, въ которыхъ написать имянно, что они за то свое преступленіе чинами унижены и къ дѣламъ опредѣлять ихъ не велѣно, а также и подъячаго Бѣляева (также изъ дворянъ) ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять же, а купца Чичкинскаго, который явился въ подложномъ съ Олсуфьевымъ провіанта и фуража подрядѣ, бить плетьми, и взятыя имъ изъ казны деньги возвратить и впредь его ни въ какіе подряды и откупы не допускать“ [2]). Тенденція Сената постановить легкій приговоръ надъ преступникомъ, если только онъ дворянинъ—обычное явленіе не только при Елизаветѣ, но и позднѣе при Екатеринѣ II [3]).

Подобная тенденція не должна насъ удивлять. Вспомнимъ еще разъ дѣло воеводы Ходырева: при разсмотрѣніи его въ кабинетѣ императрицы „явились многіе въ ономъ дѣлѣ пристрастные поступки отъ сенаторовъ“, такъ что испрашивалось, „не изволитъ ли Е. И. В. указать сенаторовъ порознь всякаго спросить на письмѣ, читаны-ль имъ подлинныя доношенія и сочиненная выписка изъ дѣла“ [4]). Дворянскій Сенатъ радѣлъ о своихъ.

Приведенныя черты едва-ли могутъ характеризовать отношеніе сената къ слѣдственнымъ дѣламъ съ положительной стороны. Было бы, однако, ошибочнымъ судить въ данномъ случаѣ о сенатѣ только на основаніи приведенныхъ примѣровъ. Сенатъ иногда очень внимательно и подробно вникалъ въ дѣло и излагалъ свое рѣшеніе въ очень подробныхъ и продуманныхъ приговорахъ. Когда въ сенатѣ было представлено рѣшеніе юстицъ-коллегіи, въ которую поступило мнѣніе ревизора Полянскаго по дѣлу Вятскаго провинціальнаго секретаря Перминова, сенатъ, разобравъ дѣло, постановилъ: „учиненное юстицъ-коллегіи

---

1) $^{54}/_{270}$, лл. 103—133.
2) $^{38}/_{254}$, л. 245.
3) Грибовскій. „Матеріалы“, №№ 28, 29.
4) $^{103}/_{319}$, л. 195—196.

о присужденіи вышеименованнаго секретаря Перминова, по отнятіи чиновъ, къ наказанію кнутомъ и о взятіи его имѣніевъ въ казну мнѣніе отставить, понеже по разсмотрѣнію Правительствующаго Сената и по обстоятельству дѣла, онъ, Перминовъ, не точію приговоренному коллегіею, но и никакому наказанію не подлежитъ". Къ такому рѣзкому отношенію къ прежнему рѣшенію побудили сенатъ многія обстоятельства, которыя далѣе и излагаются. Сенатъ подробно доказываетъ, что доносъ архимандрита Потемкина, съ котораго началось дѣло, содержитъ въ себѣ несообразности и даже завѣдомую ложь. Перминова, напримѣръ, обвиняютъ въ томъ, что онъ не опубликовалъ присланнаго изъ сената указа о сборѣ недоимокъ съ архіерейскихъ крестьянъ; сенатъ указываетъ, что „тотъ указъ данъ Вятской провинціальной канцеляріи не для объявленія во всенародное извѣстіе, но точію послѣдовалъ по представленію оной канцеляріи" о взысканіи недоимокъ со всѣхъ монастырскихъ и архіерейскихъ домовъ поровну. Указывается, что въ этомъ пунктѣ самъ Перминовъ можетъ искать съ доносчиковъ за безчестье. Далѣе выясняются и другія причины шаткости доноса: братія Трифонова монастыря приговоромъ, поданнымъ новому архимандриту, заявила, „что де на Перминова доносить, такого у нихъ братскаго согласія никогда не бывало, и съ чего Потемкинъ то учинилъ они неизвѣстны, а доносители на тотъ ихъ общій приговоръ никакого спору къ дѣлу не подали и ничѣмъ оный не опровергли". Взяточничество Перминова не доказано; главные свидѣтели обвиненія умерли. Нѣкоторые поступки Перминова, сами по себѣ противные законамъ, уже покрыты указами объ амнистіи. Сенатъ отвергаетъ послѣдовательно всѣ пункты доноса; остановимся на послѣднемъ. Перминова обвиняли въ томъ, что онъ во время крестнаго хода съ образомъ Николая Чудотворца пускалъ „ракиты" и палилъ изъ пушекъ. Въ этомъ, по мнѣнію Сената, „винности его, Перминова, никакой не находится", потому что это не противорѣчитъ закону и происходило съ соблюденіемъ требуемыхъ предосторожностей, вдали отъ жилищъ и никому не принесло ущерба. Отмѣнивъ рѣшеніе коллегіи, Сенатъ возстановилъ Перминова въ прежней должности секретаря Вятской провинціи [1]).

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ оправдательнымъ приговоромъ, разсмотримъ также и обвинительный приговоръ; онъ относится къ дѣлу Ходырева.

Разсмотрѣвъ всѣ дѣла ревизіи Терскаго, сенатъ призналъ Ходырева виновнымъ во всемъ, что доносилъ на него секретарь Манахтинъ, „за что за все онъ, Ходыревъ, ежели бы понынѣ былъ живъ, яко пре-

---

[1]) $^{51}/_{267}$, л. 2073 –2089.

ступникъ высочайшихъ Е. И. В. указовъ и присяжной своей должности, по силѣ 714, дек. 24, 720 г. февр. 9, 722, апр. 4, 12 да 17, 724 г. генваря 22 да февр. 5, 745 г. дек. 31, 747, генв. 31 чиселъ указовъ и генеральнаго регламента 4, 6, 20 и 50-й главъ, подлежалъ смертной казни, но понеже онъ Ходыревъ умре, и для того за тѣ-жъ его преступленія нынѣ учинить слѣдующее: оставшее послѣ его Ходырева собственное его движимое и недвижимое имѣніе, дворы, пожитки и прочее, отписать на Е. И. В.". Ходырева самого спасла смерть; поэтому за него отвѣчаетъ его имущество и его сообщники: „бывшаго при немъ за капрала разсыльщика Селезнева, черезъ котораго Ходыревъ бралъ съ обывателей не малыя взятки", приговорено: „бить кнутомъ и сослать въ Сибирь на Колывано-Воскресенскіе серебряные заводы, прочихъ разсыльщиковъ высѣчь плетьми и отослать обратно въ Симбирскую провинціальную канцелярію". Имущество Ходырева за покрытіемъ всѣхъ расходовъ на содержаніе слѣдственной комиссіи, должно быть передано въ Симбирскую провинціальную канцелярію для пересылки въ канцелярію конфискаціи.

Но разъ Ходыревъ осужденъ, то бывшій секретарь Манахтинъ возстановленъ этимъ самымъ въ своихъ правахъ и долженъ получить награду за долгіе годы лишеній и невзгодъ. На такую именно точку зрѣнія и сталъ сенатъ, постановивъ: „за правильный доносъ" на воеводу „въ разсужденіе того, что моложе его нѣкоторые изъ провинціальныхъ же и губернскихъ секретарей произведены въ коллежскіе секретари и титулярные совѣтники, а онъ, Манахтинъ, за бытностью при томъ слѣдствіи обойденъ и понынѣ провинціальнымъ секретаремъ состоитъ, наградить рангомъ титулярнаго совѣтника", а за то, что онъ, вслѣдствіе отрѣшенія отъ должности, долгое время „жалованье и никакой акцинденціи не получалъ", выдать ему жалованье по высшему окладу, положенному для Петербурга и новозавоеванныхъ городовъ. Манахтинъ самъ виноватъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ по службѣ, но онъ такъ долго былъ отрѣшенъ отъ дѣлъ, что его терпѣніе и изданные съ тѣхъ поръ указы объ амнистіи даютъ полную возможность отпустить ему вины. Еще раньше, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда Манахтину удалось было получить перевѣсъ надъ своимъ врагомъ, возникалъ вопросъ о дарованіи ему еще болѣе высокой награды—чина надворнаго совѣтника; сенатъ не беретъ на себя рѣшенія этого вопроса, оставляя его на благоволеніе императрицы [1]).

Что происходило послѣ сенатскаго рѣшенія по слѣдственному дѣлу, видно изъ конца дѣла Ходырева. Это вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ послѣдними моментами существованія слѣд-

---

1) $^{104}/_{320}$, лл. 851—836.

ственныхъ комиссій. Прежде всего на слѣдственной комиссіи, которая не упразднялась до рѣшенія дѣла въ сенатѣ, лежало приведеніе приговора въ исполненіе. Въ приговорѣ по дѣлу Ходырева мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: „велѣть ему, Терскому, всѣ производимыя по той комиссіи слѣдственныя дѣла и описныя у виновныхъ пожитки и оставшую денежную казну и данныхъ отъ Симбирской провинціальной канцеляріи приказныхъ служителей и команду, учиня виновнымъ присужденное по Правительствующаго Сената рѣшенію публичное наказаніе и для разсылки ихъ въ надлежащія мѣста, отдать въ Симбирскую провинціальную канцелярію при письменномъ извѣстіи немедленно; самому л.-гв. капитану Терскому и съ находящимися при немъ въ командѣ военно-служащими явиться въ своихъ командахъ [1]). По исполненіи приговора комиссія упраздняется, ея канцелярія распускается, начальствующія лица отправляются къ мѣстамъ постояннаго служенія, а дѣла передаются въ мѣстныя учрежденія, которыя теперь вновь входятъ въ свои права, умаленныя параллельно дѣйствовавшей комиссіей, и становятся окончательными ликвидаторами ея наслѣдства.

Наслѣдство заключалось въ удовлетвореніи гражданскихъ исковъ; на это шло конфискованное имущество виновныхъ, за вычетомъ расходовъ на содержаніе самой комиссіи. Наиболѣе богатое по содержанію изъ дѣлъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, дѣло Ходырева, и здѣсь даетъ возможность нарисовать довольно яркую картину.

По пріѣздѣ въ Симбирскъ Терскій наложилъ арестъ на движимое имущество Ходырева. Опись этого имущества показываетъ, что Ходыревъ жилъ хорошо и даже, повидимому, не безъ оттѣнка роскоши. Перечисляются образа въ богатыхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями, серебряный крестъ съ мощами, до 30 томовъ книгъ церковной печати различнаго содержанія, сочиненія „Пафендорфія“, духовный регламентъ, юности честное зерцало, соборное уложеніе „календаровъ, печатныхъ семь, разныхъ годовъ, да письменный съ трагедіи печальной переводъ съ письма эллино-греческаго“, лѣчебникъ письменный, 3500 руб. денегъ рублевой и полтинной монеты, довольно богатая серебряная утварь, 15 камзоловъ и кафтановъ глазетовыхъ, штофныхъ, парчевыхъ, суконныхъ, шлафоръ мужской, камчатый цвѣтной, подбитъ

---

[1]) $^{104}/_{320}$, л. 861—866. Другой примѣръ изъ комиссіи о губернаторѣ Сухаревѣ: по окончаніи дѣла отсылаются—канцеляристъ Калугинъ и разные припасы въ Сибирскую губ. канцелярію „при промеморіи“, копіистъ Забѣлинъ — въ Ишимскую провинціальную канцелярію, изъ которой онъ былъ присланъ, „при указѣ“; находившіеся для карауловъ солдаты—въ гарнизонную канцелярію „при промеморіи“, а послѣдній изъ слѣдователей, полк. Сацыперовъ, „имѣетъ явиться къ командѣ“. $^{40}/_{256}$, л. 3196.

гарнитуромъ, шуба, епанча васильковаго сукна, тулупы, до 70 шкуръ волковъ, лисицъ и куницъ и т. п.; нѣсколько бѣднѣе гардеробъ воеводши, которая успѣла во-время выѣхать изъ Симбирска. У воеводы было до 20 лошадей на конюшнѣ, пять или 6 различныхъ колясокъ, саней и другихъ экипажей [1]) и т. д.

До насъ дошли также свѣдѣнія о расходованіи денегъ и части имущества Ходырева. На пропитаніе Ходырева и его людей и на содержаніе конюшни было выдано съ 1747 по 1755 годъ 1338 руб.; возвратилъ ему Терскій и носильное платье; расходы по содержанію комиссіи выразились въ суммѣ 1982 руб. $12^3/_4$ коп., такъ что, за вычетомъ этихъ суммъ, изъ ходыревскихъ денегъ осталось 179 р. $87^1/_4$ коп. и „прочая описная пажить“, которые переданы были въ Симбирскую провинціальную канцелярію „на удовлетвореніе обидимыхъ“ вмѣстѣ съ 68 р. 55 коп., остаткомъ также описаннаго имущества разсыльщика Селезнева. Претензіи, предъявленныя Симбирскими обывателями къ Ходыреву, достигали 1975 руб. $70^1/_2$ коп. „А присланныхъ изъ комиссіи описныхъ пожитковъ выбранными отъ Симбирскаго купечества цѣновщиками оцѣнено на 375 руб. $71^1/_2$ коп., а продано оныхъ съ публичнаго торгу охочимъ людямъ на 512 руб. 97 коп., да описныхъ у онаго Ходырева и у разсыльщика Селезнева денегъ изъ той комиссіи прислано 248 р. $42^1/_4$ к., итого денегъ и пожитковъ на 761 р. $39^1/_4$ к.; изъ того числа выдано по поданнымъ въ комиссію и въ Симбирскую провинціальную канцелярію доношеніямъ по силѣ Прав. Сената указу обидимымъ 732 руб. 82 коп., затѣмъ состоитъ 28 руб. $57^1/_4$ коп., а въ канцелярію конфискаціи оныхъ достальныхъ денегъ не отослано, затѣмъ, что многіе обидимые по ихъ прошеніямъ не удовлетворены“. Выходитъ, что содержаніе комиссіи съѣло почти все, и даже тѣ изъ „обидимыхъ“, которымъ заплатили, получили только по 35 коп. на руб. Возможно, конечно, что кое-что было возмѣщено позднѣе, по продажѣ недвижимаго имѣнія Ходырева, черезъ канцелярію конфискаціи, но свѣдѣній объ этомъ въ дѣлѣ нѣтъ [2]).

Исходъ дѣла Ходырева можетъ служить мѣриломъ для общей оцѣнки дѣятельности слѣдственныхъ комиссій. Это одно изъ самыхъ успѣшныхъ въ смыслѣ торжества правды дѣлъ, и что же? Воевода, виновный во множествѣ служебныхъ преступленій, умеръ, потому что сумѣлъ затянуть дѣло въ мертвую петлю; пострадалъ мелкій чело-

---

[1]) $^{103}/_{319}$, лл. 203—213.

[2]) $^{104}/_{320}$, л. 967—983; тамъ же подробная вѣдомость о томъ, кому именно распроданы отдѣльныя вещи изъ имущества Ходырева и списокъ лицъ, претензіи которыхъ были удовлетворены; къ числу послѣднихъ принадлежали купцы, цеховые, инородцы, т.-е. всякаго рода мелкота, которую легче всего было эксплуатировать воеводѣ.

вѣкъ—Селезневъ, обиженные получили очень мало, а большую часть конфискованнаго имущества поглотила сама комиссія; секретарю Манахтину, чтобъ достигнуть столь скромнаго торжества, понадобилось болѣе 12 лѣтъ неимовѣрныхъ трудовъ, лишеній, невзгодъ и позора, а слѣдователь Терскій получилъ предписаніе, по приведеніи въ исполненіе приговора по дѣлу Ходырева, явиться въ свой л.-гв. Семеновскій полкъ, гдѣ его должны были „судить воинскимъ судомъ за учиненные въ произведеніи того слѣдствія непорядки и указамъ Е. И В. противные поступки“ [1]). Другія комиссіи нерѣдко достигали меньшаго.

Слѣдственная комиссія была предметомъ постояннаго страха для лихоимцевъ XVIII вѣка и боязнь ея сдерживала широкій размахъ взяточничества. Но комиссія не могла быть орудіемъ особенно успѣшнымъ, потому что на мѣсто произвола и насилія она ставила не право и законъ, а тотъ же произволъ и насиліе. Слѣдователь былъ властелиномъ, который самъ впадалъ въ искушеніе и шелъ по наклонной плоскости, приводившей къ обвиненіямъ и суду. Смѣщеніе Полубояриновыхъ, Боборыкиныхъ, обвиненія противъ Полянскаго, назначеніе слѣдствія надъ Терскимъ — не случайные факты; это естественный выводъ изъ общаго положенія. Учрежденія XVIII вѣка не могли пересилить людей того времени; слѣдствіе довѣрялось тѣмъ же людямъ, которые случайно попадали въ слѣдователи, какъ случайно могли попасть и подъ слѣдствіе; примѣръ Сухарева слѣдователя, чрезъ 12 лѣтъ попавшаго подъ слѣдствіе, такая же неслучайность, какъ и вышеприведенные примѣры. Если къ этому прибавить отношеніе къ дѣлу мѣстныхъ властей, взяточничество, царившее въ самомъ Сенатѣ, всякія удобства для уклоненія отъ слѣдствія и для сокрытія слѣдовъ преступленій, какія существовали въ странѣ съ тысячеверстными разстояніями безъ дорогъ, съ вотчинными уголками, гдѣ можно было спрятаться отъ всякой опасности, и „компаніями“ воровъ и разбойниковъ, которые наводняли всю страну, то станетъ вполнѣ понятно, что слѣдственныя комиссіи не могли справиться съ тѣмъ зломъ, съ которымъ онѣ боролись, и не могли вывести произвола и насилій изъ нравовъ русской администраціи XVIII вѣка. Было бы, однако, ошибкою вовсе отрицать ихъ значеніе; это было все-таки сильное орудіе борьбы центральнаго правительства съ преступленіями его подчиненныхъ органовъ, и если центръ былъ зараженъ такими же болѣзнями, какъ и провинція, то посредствомъ комиссіи можно было иногда положить предѣлъ слишкомъ беззастѣнчивой дѣятельности и слишкомъ далеко заходившимъ увлеченіямъ. Это былъ наиболѣе дѣйствительный органъ надзора и въ этомъ — значеніе слѣдственныхъ комиссій.

---

[1]) $^{101}/_{320}$, л. 851—866.

Самыя большія по объему дѣятельности комиссіи падаютъ на царствованіе Елизаветы. Ихъ не мало и въ 60-хъ годахъ, въ первые годы Екатерины II. Но между тѣми и другими замѣтная разница. Комиссіи 60-хъ годовъ — преимущественно губернскія. Сенатскія комиссіи отступаютъ на задній планъ; при назначеніи слѣдствія центральной властью, императрица сама выбираетъ слѣдователя [1]); сенатъ передаетъ полученныя жалобы въ губерніи. Между центральной властью и слѣдствіемъ становится губернаторъ [2]). Происходитъ какъ бы перемѣщеніе власти отъ сената къ губернской администраціи. Немного позднѣе явился и высшій органъ областного управленія, въ рукахъ котораго сосредоточился надзоръ за ходомъ областныхъ дѣлъ; это были намѣстники или „командующіе въ отсутствіе Ея Величества". Съ учрежденіемъ должности намѣстника комиссіи прежняго типа, назначаемыя сенатомъ, сдѣлались совершенно ненужными. Появляется постоянный мѣстный органъ надзора, и слѣдственныя комиссіи, какъ экстренное орудіе центральной власти, исчезаютъ. Сохраняются мѣстныя комиссіи, ранѣе учреждавшіяся для маловажныхъ дѣлъ, а теперь превратившіяся въ нормальный органъ, черезъ который дѣйствовала власть генералъ-губернаторовъ; что же касается надзора сената, то онъ пріобрѣтаетъ новыя формы.

Ю. Готье.

---

[1]) Грибовскій, Высшій судъ, 133.

[2]) Грибовскій, Матеріалы, лл. 4, 17, 24, 27, 30, 63, 79, 98, 120, 138.